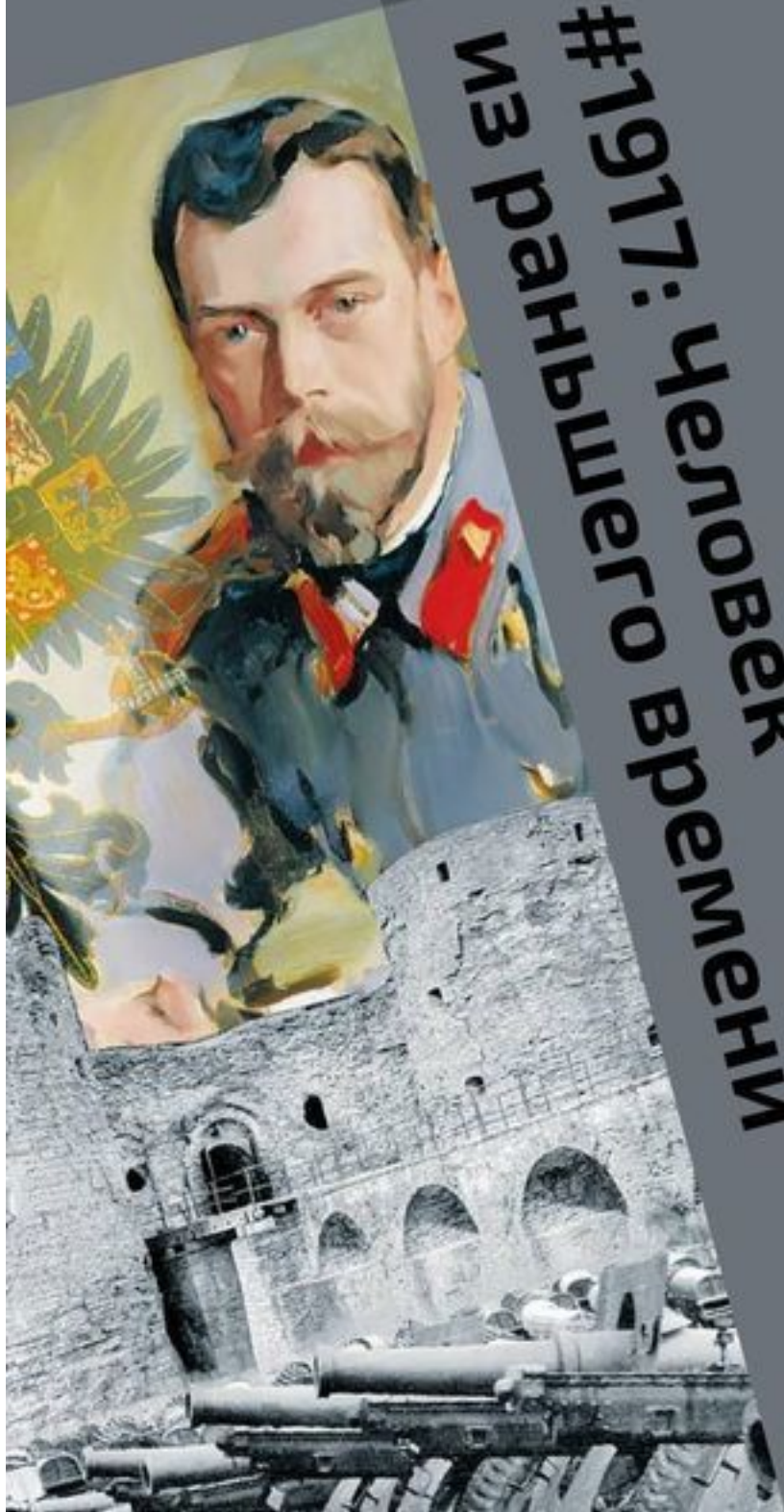

Братья Швальнеры

#1917: Человек из раньшого времени

Братья Швальнеры

**#1917: Человек из раньшего
времени. Библиотека
«Проекта 1917»**

«Издательские решения»

Братья Швальнеры

#1917: Человек из раньшего времени. Библиотека «Проекта 1917»
/ Братья Швальнеры — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834484-8

Что на самом деле происходило в тот злополучный межреволюционный период февраля-октября 1917 года? Что происходило в ссылке царя, в столице, в глубинке, на фронте, в Киеве? Об этом расскажут сами герои того смутного времени — Ленин, Николай II, Вергинский, Петлюра, генералы Корнилов и Деникин, князь Феликс Юсупов, митрополит Шептицкий, Керенский. Они, а не кто-либо — главные герои книги, призванные авторами к ответу на вопрос: к чему в действительности ведут все наши революции?

ISBN 978-5-44-834484-8

© Братья Швальнеры
© Издательские решения

Содержание

Часть первая «Antea»	6
Глава первая «Средь шумного бала...»	6
Глава вторая «Беседы»	15
Глава третья «Бремя страстей человеческих»	21
Глава четвертая «Перемена мест»	29
Глава пятая «Дети революции»	35
Глава шестая «Крах»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

#1917: Человек из раньшего времени

Библиотека «Проекта 1917»

Братья Швальнеры

*Любимой сестренке Лелечке Борисовой
с самыми светлыми чувствами, которые
только могут зародиться в душе человека*

*– Сразу видно человека с раньшего времени.
Таких теперь уже нету и скоро совсем не будет.*

*Монолог Паниковского из романа И. Ильфа и Е. Петрова
«Золотой теленок»*

Иллюстратор Братья Швальнеры

© Братья Швальнеры, 2017

© Братья Швальнеры, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-4484-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая «Antea»

Глава первая «Средь шумного бала...»

*Антракт. Гудящий коридор,
Как улей, полон гула.
Напрасно классных дам дозор
Скользит чредой сутулой.
Любовь влетает из окна
С кустов ночной сирени,
И в каждой паре глаз весна
Поет романс весенний.*

Саши Черный, русский поэт

Санкт-Петербург, 25 февраля 1887 года.

Зима была на исходе – и оттого особенно сильно бесновалась метель, да и морозы стояли порядочные, сравнить которые, пожалуй, можно было только с крещенскими деньками. Почти всю эту неделю погода держалась до минус 25, что вкупе со слякотью северной столицы не давало высунуть носу из отопленных каминами и паровым отоплением светских приемных, согретых голландками городских квартир и освещаемых наскоро разводимыми кострами нищенских трущоб.

Карета неслась по набережной Невы, взрывая клубы нападавшего за один вечер снега, которому, казалось нет конца с самого декабря. В этот день центр города был до крайности оживлен – градоначальник давал ассамблеи, на которые была приглашена вся местная знать (и даже московские гости), что, однако же, не мешало встретить там и тех, кто к знатым особам не принадлежал – это было скорее не церемониальное мероприятие, а народное гулянье, посвященное долгожданному окончанию снежного времени года.

Ближе к губернаторскому дворцу была устроена стоянка экипажей – и собственные кареты князей и надворных советников, и снующие взад-вперед по случаю большого скопления народа (и, как следствие, возможности заработка) извозчики толпились здесь, волей-неволей разделяя праздничное настроение своих пассажиров.

Карета статского советника Дмитрия Афанасьевича Светлицкого прибыла с небольшим опозданием – уже вовсю играла мазурка, зал был набит практически до отказа, когда сам Дмитрий Афанасьевич, его супруга и дочь ступили с подмостка кареты на невысокую, но широкую лестницу, ведущую ко входу в губернаторское жилище. По дороге Дмитрий Афанасьевич остановился и обернулся на дочь – ее долгие сборы стали причиной небольшого опоздания, но сейчас отец поймал себя на мысли о том, что, будь он хозяином сегодняшнего бала, нипочем не сердился бы на нерасторопных гостей; такая красота позволяла простить многое. Он невольно возвратился мыслями в майские дни далекого 1867 года, когда объяснился в любви ее матери. Пожалуй, сейчас Лиза предстала перед ним в образе своей родительницы – и он невольно перевел взгляд на свою супругу – которая была ничуть не менее красивой (во всяком случае, ему так казалось), чем двадцать лет назад. Улыбнувшись и поправив муфту на руках дочери, Дмитрий Афанасьевич продолжил путь по лестнице.

Раздев вновь прибывших гостей, лакей шепнул что-то на ухо шпрыхсталмейстеру и тот поспешил в главную залу, чтобы представить семью чиновника остальным собравшимся. Между тем, для самого градоначальника такой необходимости не было – он вышел из своих

покоев, увидев, наверняка, карету и ее пассажиров в окно, и дружески приветствовал старого боевого товарища, с которым познакомился еще в период службы, на русско-турецкой войне.

– Князь, – заулыбался градоначальник. Лиза сегодня впервые видела старого товарища своего отца – хотя до этого много о нем слышала. Отсутствие частых встреч в семейном кругу объяснялось сначала службой губернатора в должности министра внутренних дел и его чрезвычайной занятостью – правда, Лиза тогда еще была очень мала, и не придавала этому значения. В 1881 году, после покушения на государя императора, с должности этой он получил отставку, и длительное время жил за границей, как она слышала, в Ницце. И только год тому назад граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов возвратился в столицу Российской империи с тем, чтобы занять пост градоначальника.

Вид хозяина торжества произвел на Лизу завораживающее впечатление – несмотря на возраст, в нем была некая нескрываемая стать, которая была присуща не просто родовитым людям, но людям с высокой степенью внутренней духовной организации и особой культуры. Той самой, старой культуры, принадлежностью к которой в великосветских беседах часто козырял ее отец, добавляя, что «таких людей теперь не делают». Лиза вдруг подумала, что двадцать лет назад этот бравый вояка, должно быть, был очень привлекателен – и теперь убеленное сединами лицо ярко украшала окладистая борода, прежней героической отвагой боевого генерала сверкали карие почти юношеские, глаза, вступая в красивую игру света с форменными эполетами, орденами, украшавшими белый парадный мундир, и вообще со всеобщим окружающим ее сиянием этого светского суаре. Лиза впервые была на столь грандиозном мероприятии, но при виде одного только пожилого градоначальника могла сказать о себе, что почти влюбилась во все, что она видела.

– Граф, безмерно рад видеть... – отец и губернатор обменялись рукопожатиями и обняли друг друга. – Позвольте представить мою семью. Супруга моя, Катерина Ивановна, и дочь, Лиза.

Маменька вежливо подала руку и учтиво улыбнулась, опустив взор, а Лиза – как и подобало – сделала реверанс. Она немного волновалась, и оттого ей казалось, что реверанс вышел несколько неуклюжим, но впрочем на это никто не обратил внимания.

– Две несравненных жемчужины сегодняшнего бала, – не преминул проявить почтение к гостям армянин – генерал.

– Ну что Вы... – засмушалась маменька. Лиза ничего не ответила – только покраснела пуще прежнего.

– Ну-с, и как Вам первый год в новой должности? – осведомился отец.

– Сложно сказать, мой дорогой. Свои тонкости, и, главным образом, хозяйственные. Признаться, служба в министерстве казалась мне куда легче теперешней.

– Отчего же? Я, напротив, придерживался мнения о том, что забот там куда больше, чем в городской управе.

– Там и ясности больше. Здесь – извольте ли видеть – за целую империю службу несешь, за каждое ведомство отвечаешь, а мне в мои годы это уже очень нелегко...

– Полноте, граф. Вам ли жаловаться? Коли уж государь император удостоил Вас этой чести, значит, во всей империи не отыскалось более подходящего кандидата на эту должность.

Лорис-Меликов улыбнулся.

– Великий Вы льстец... Только тем и утешаюсь. Что ж, мазурка, кажется, кончилась. Пора и к гостям.

В сопровождении графа Лиза и Катерина Ивановна прошли в общую залу. При виде несметного количества людей, собравшихся здесь, Лизе, кажется, стало еще хуже. Она, конечно, ждала чего-то подобного, но когда в 16 лет встречаешь такое сборище, то первое, что приходит на ум – это то, что они только на тебя и смотрят (и отчасти это правда; таково уж великосветское общество, что всякую «свежую кровь» изучают тщательно и оттого нещадно).

Лиза вжала голову в плечи и опустила глаза – наподобие того, как маленькие дети, в смешных и отчаянных попытках спрятаться, зажимают глаза. Папенька и маменька меж тем обходили стоявших вокруг залы гостей, здоровались с кем-то беседовали... Лизе не удавалось уловить ни звука – настолько смущение поглотило ее всю без остатка. Она знала, что поднимать глаза опасно, но не знала, чтобы настолько – при первой встрече с чьим-то взором она конечно же увидела его.

– Лиза? Вы здесь?

Высокий и статный молодой человек, темноволосый и кареглазый, бодро выделился из окружавшей его толпы такой же молодой знати и подошел к ней без малейшего стеснения. От неожиданности она потеряла дар речи. Нет, она конечно знала, что ему как человеку знатного происхождения – он был из семьи дворян, хоть и разорившихся – наверняка полагается быть здесь. И когда ехала сюда, то всю дорогу только и думала, что о нем, и что замечательно было бы его встретить здесь. Нет, лучше бы наоборот не встречаться... Одним словом, этот юный красавец не выходил из ее головы уже очень давно. И она даже приготовила некое подобие монолога для встречи с ним. Но как назло все забыла – как и бывает в подобных случаях.

На звук знакомого голоса обернулся рап.

– Иван Андреич! Рады видеть!

– Сие взаимно, – князь и молодой человек поклонились друг другу.

– Давненько Вы у нас не бывали.

– Завтра же намеревался. Извольте ли видеть, кратковременный недуг не позволял мне вставать с постели всю прошлую неделю – морозы и слякоть в канун весны всегда напоминают моему шаткому здоровью о себе.

– Одевайтесь же теплее, Иван Андреич, – по-матерински заговорила Катерина Ивановна. – Без Вас у Лизоньки совсем скверно обстоят дела с грамматикой.

– Ничего не скверно, – совершенно не к месту влезла в разговор Лизавета.

– Лиза! – возмутился отец. – Что за манеры? И потом – маменька права-с, вчера я беседовал с твоим школьным учителем, он подчеркнул падение твоих успехов в продолжение недели без уроков Ивана Андреича...

Иван Андреевич Бубецкой – студент юридического факультета, хоть и происходил из родовитой семьи симбирских князей, но жил крайне бедно и вынужден был подрабатывать частными уроками. Он преподавал грамматику Лизе Светлицкой, дочери статского советника, за вполне умеренную плату.

– Как о моих успехах может говорить немец, который и по-русски-то едва говорит? – горячо возмутилась Лиза.

Бубецкой улыбнулся.

– Но он учитель, и надлежит к нему прислушиваться. И потом, Лиза, не спорьте – мне как Вашему преподавателю хорошо известны Ваши качества, среди которых присутствует самая чуточка лениности.

Он говорил и улыбался, и улыбка его завораживала юную прелестницу. Она то и дело ловила себя на том, что буквально смотрит ему в рот, не в силах отвести глаз, что казалось ей страшно неприличным и за что она себя горько ругала мысленно.

– Так значит, завтра будете?

– Всенепременно.

– Очень будем ждать.

Они снова раскланялись.

– Папенька? – обратилась Лиза.

– Да, мой ангел?

– Если Вы не возражаете, мне бы хотелось немного поговорить с Иваном Андреичем.

– Что ж, если он не возражает, то дело Ваше.

Когда они остались одни, Бубецкой спросил у своей воспитанницы:

– Отчего же Вам мое общество интереснее общества самого градоначальника? Я вижу, они с Вашим папенькой – короткие знакомые, и, как мне кажется, иметь его в друзьях было бы для девушки, начинающей свой жизненный путь, крайне полезно...

– Мне с Вами интереснее... А почему Вы не хотите познакомиться с ним? Если изволите, я попрошу папеньку об одолжении представить Вас графу...

– Нет, увольте. Полагаю, что мы с Михаилом Тариевичем очень уж по-разному смотрим на одинаковые вещи.

– Что Вы имеете в виду?

– Я имею в виду его политические взгляды. То, что для него благо – для прочих интеллигентных людей смерть.

– Вы, конечно, говорите о его политике по отношению к эсерам? Но как иначе министр внутренних дел должен реагировать на террористов?

– Во-первых, милая Лизонька...

«Он назвал меня милой...» – сердце Лизы сжалось как ребенок сжимается внутри роже-ницы.

– ...не все эсеры – террористы. Во-вторых, он сам своей карательной политикой вызвал события 1 марта 1881 года, когда, как Вам конечно известно, погиб государь император.

– Вы станете оправдывать Гриневицкого?

– Оправдывать его или судить – дело истории, а вот на опрометчивые шаги руководства указывать должен каждый сознательный гражданин. Ну-ка, вспомните некрасовские строки, что мы с Вами недавно повторяли?

– «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», – улыбнувшись, выполнила Лиза приказ строгого учителя.

– Воот.

– А как же «диктатура сердца»? Ведь Лорис-Меликова не случайно так называли. Консервативные реформы, учет общественного мнения...

– Вот и именно, что консервативные. Слишком уж консервативные! Прямо скажем, своим консерватизмом отрезающие себе дорогу в будущее! А учет общественного мнения, Вы говорите? Пустое. Если чье мнение и учитывалось – и могло учитываться – то только буржуазии. Кто и когда дал слово рабочим, крестьянам, служащим?

– Помилуйте, Вы призываете к революции в чистом виде. Этого не будет и не может быть при власти царя.

– Почему? На отдельных местах, в отдельных, так сказать, участках, это вполне допустимо и демонстрируется.

– Что именно?

– Учет мнения широких слоев общества, людей, без отсылки к их происхождению и социальной классовой.

– Любопытно... Покажите?

– Непременно. Только вот нынешнему хозяину вечера это нипочем не сделать.

– Вы явно недружелюбно к нему настроены. Почему же?

– Потому что необходимым к тому условием является самопожертвование и готовность в случае чего потерять общественный статус. А он даже после убийства монарха боялся этого как второго пришествия!

– Кто же теперь не боится... – опустила глаза Лизонька. Иван Андреевич посмотрел на нее – в этой обреченности, что сквозила в ее голосе, в этой отрезвляющей грусти слышалось несвойственное детству – а он ее считал ее ребенком, и не без оснований – понимание и знание жизни. С одной стороны, ему хотелось бы, чтобы все рассуждали именно так – здраво, приземленно, логично, со знанием. С другой стороны, подобный образ мыслей – как он полагал –

не способен изменить будущего России, поскольку наряду с недостатками общества трактует слабосильность и неспособность каждого его члена что-либо в нем поменять.

– Пойдемте, – он взял ее за руку и повел в соседнюю комнату. Будучи кабинетом хозяина дома, сегодня она выполняла роль своего рода кружка. Здесь собрались те, кто по каким-либо причинам хоть и был приглашен градоначальником, но не образовал его ближний круг. В древние времена эту горстку можно было бы назвать «опала». Будь на то воля Лорис-Меликова, он бы и вовсе не стал звать их на свои ассамблеи. Однако же, все они были при неплохих должностях, и неучтивость по отношению к ним в его исполнении могла быть превратно истолкована.

В кругу таких же юных студентов с горящими глазами, как и Иван Андреич, стоял грузный, пожилой мужчина высокого роста. Его лицо окаймляла седая борода, между пальцев он держал сигару, а из большого, толстого стекла, фужера, потягивал вино.

– Кто это? – прошептала Лиза.

– Анатолий Федорович Кони, обер-прокурор Санкт-Петербургской окружной уголовной судебной палаты. Он читает у меня лекции по уголовному праву, и, строго говоря, если бы не его настояние, я бы вовсе сюда нынче не пришел.

Иван Андреевич с Лизой протиснулись сквозь толпу жадно слушающих Анатолия Федоровича молодых людей. «Надо же, – подумала Лиза. – Ведь в соседнем зале сам Лорис-Меликов, к нему можно и рукой притронуться при желании, и поговорить, а тут – какой-то никому не известный старичок и народу подле себя собрал в разы больше, чем градоначальник и герой войны...»

– Анатолий Федорович? – обратился к нему Бубецкой.

– А, Ваня.

– Позвольте представить Вам мою спутницу, Елизавету Дмитриевну Светлицкую.

– Дочь Дмитрия Афанасьевича, никак? – целуя руку новой знакомой спросил Кони.

– Да-с.

– Как же, как же, имею честь быть знакомым с Вашим папенькой по долгу службы в Санкт-Петербургской судебной палате. Справедливости ради, были бы знакомы и короче, коли я продолжил бы службу по цивилистической направленности...

– Отчего же не продолжили? – все еще плохо понимая, с кем говорит, спросила Лиза, чем повергла присутствующих в гомерический хохот. Анатолий Федорович строго – как это, должно быть, полагается классическим университетским преподавателям – взглянул на смеющихся, откашлялся и не счел за трудность ответить на вопрос.

– Несмешно, господа. Барышня, очевидно, не знает, что я всю свою сознательную жизнь трудился как специалист по уголовному праву и процессу, и потому цивилистика нимало не привлекает меня и не вдохновляет. Только что стараниями министра юстиции, графа Набокова, был я приглашен в департамент гражданских дел, да и то ненадолго.

– Министр, должно быть, не знает, о круге Ваших интересов? – вновь спросила Лиза.

– Да нет, милая. Мы с ним знакомы еще со студенческой скамьи и меня он знает более, чем положено...

Анатолий Федорович опустил глаза, и тут слово взял Бубецкой.

– Набоков, как и вся чопорная интеллигенция, осуждает Анатолия Федоровича за приговор по делу террористки Засулич.

– Это той, что стреляла в московского генерал-губернатора? Как его, в Трепова?

– Именно. Анатолий Федорович председательствовал на том суде и оправдал ее.

– Вы извращаете. Оправдали ее присяжные. Мне в вину общество с той поры ставит, главным образом, то, как я сформулировал опросный лист для присяжных. Отклоняясь от необходимости формального ведения процесса, я включил в него вопросы, касающиеся морально-нравственной оценки обществом поступка Засулич. Как то – вызывал ли Трепов своим пове-

дением реакцию, приводящую к взрыву народного гнева? Можно ли оправдать ее, исходя из его «заслуг»? Насколько хотела она – профессиональная террористка – убить градоначальника, что стреляла ему едва ли не в руку? Насколько тяжелы оказались раны? Ну и тому подобное. Излишним будет говорить, что присяжные, отвечая на мои вопросы, меньше думали о юридической квалификации содеянного – и больше о нравственности. Целью моих вопросов и было призвание их к этому, ведь дача юридических оценок не может и не должна входить в компетенцию простых граждан, коими являются присяжные – она составляет прерогативу профессиональных юристов. Заступая на должность председателя суда, я застал институт присяжных в плачевном состоянии – председательствующий очень часто возлагал на них непосильное юридическое бремя, а я лишь возвратил их к тому исходному состоянию, в котором они и должны пребывать исходя из универсальной законодательной воли.

– И что же было потом?

– Потом состоялся оправдательный вердикт. В ходе рассмотрения дела Набоков с разной периодичностью предлагал мне либо склонить присяжных на сторону обвинения, либо – когда понял, что добиться выполнения первой просьбы от меня невозможно – вынести приговор с ошибками – с тем, чтобы возможно было опротестовать его в апелляционном порядке.

– Почему же Вы отказали ему в первой просьбе? Все-таки он же министр.

– А я – председатель суда! И ответил ему так, что и до сей поры каждое слово помню – «Ваше Превосходительство, ежели председатель московского суда станет подотчетен воле министра, то ни один судья во всей Российской империи не сможет чувствовать себя в безопасности, а потому о беспристрастности и независимости судебной системы как об основе государственного устройства придется позабыть!» Правда, тогда мне это высказывание дорогого стоило – с должности, как видите, сняли, долгие годы мытарств, да и теперь, хоть и возвели в обер-прокурора, а чураются. А меж тем, чураться нечему – я выполнял свой долг. И если бы каждый выполнял его таким образом, жизнь бы выглядела сейчас значительно иной...

Он говорил вполголоса, но в воцарившейся при его словах в кабинете абсолютной тишине слышна была даже каждая запятая. Все слушали его с таким вниманием, и даже Лиза, еще минуту назад с горечью обозначившая невозможность что-либо изменить в положении дел, вдруг поймала себя на мысли о том, что такой образ рассуждений, пожалуй, способен повернуть колесо истории. Правда, дальше ее мысль не зашла, но для шестнадцати лет и это было неплохо.

Меж тем начался котильон – и всем барышням, присутствующим на вечере, надлежало исполнить его в главной зале. Не желая расставаться со своей спутницей, Иван Андреевич последовал за ней и минуту спустя они закружились в залихватском танце, сопровождаемом французской мелодией. Лизе, как и Ивану, не терпелось поскорее окончить его и вернуться к беседе – они были знакомы полгода, но, казалось, в этот вечер в беседе своей настолько открылись друг другу, что конца ей не будет никогда.

Уморившись после танца, они прошли в буфет. Здесь Лиза встретила свою школьную приятельницу – Варю Филонову. Огненно рыжая хохотушка, она не происходила из знатной семьи, и потому оказалась здесь случайно. Во всяком случае, она остановила внимание Лизы.

– Ты чего здесь делаешь?

– Торгую на благотворительном базаре от общества святой Матроны. Кстати, не желаете ли купить что-нибудь?

На лотке вокруг нее были разложены всякие галантерейные штучки, обыкновенно покоряющие сердца светских барышень, но не Лизы – она была к ним равнодушна: куклы, блокнотики, бантики, чайные чашечки не вызвали в ее юном сердце трепета. Когда Иван Андреич отвернулся, чтобы поздороваться с приятелем, Варя набралась смелости и озадачила подругу:

– Кто это?

– А, – Лиза отмахнулась, – мой учитель грамматики.

- Ты танцевала с ним?
- Да, только потому, что прочие здесь присутствующие, не в пример скучнее.
- А мне показалось иначе, – заговорщически улыбнулась Варя.
- Это еще почему? Да ну тебя!
- А ну как если завтра вся школа об этом узнает?
- Покажешь себя душой, – надулась Лиза.
- Перестань, я шучу. Но мне как своей подруге могла бы и рассказать...

Лиза сменила гнев на милость.

– Вот завтра и расскажу. Он будет давать мне урок, и обещаю тебе приоткрыть завесу тайны. Но только тебе! А сейчас мне пора.

Иван Андреевич этим временем перекинулся парой слов с товарищем по университету, Петром Шевыревым.

- Ты как здесь?
- По приглашению начальника канцелярии по принятию прошений на Высочайшее Имя, – лукаво прошептал Пьер.
- Однако, как далеко все зашло у вас...
- Ты даже не представляешь, насколько. Ну да мне пора, увидимся, как договаривались...

Лиза и Иван Андреевич скрылись в глубине главной залы. Варя смотрела им вслед с плохо скрываемой завистью. Тут мимо нее прошла сама Каменецкая – супруга какого-то видного придворного сановника. Варя вынуждена была отвести взгляд от удаляющейся парочки и поклониться знатной особе. Та, впрочем, прошла мимо нее и остановилась подле Шевырева.

- Пришел-таки?
- Как я мог игнорировать твое приглашение? – с похотливой улыбкой на устах ответил он.
- Лстец... За это и люблю...
- Когда мы увидимся, Marie?
- На будущей неделе.
- Боюсь, не дотерплю... Весна приближается, а кругом столько молоденьких курсисток... – она не заметила, как студент начал жадно целовать ее руку.
- Даже не шути так. В гневе я страшна, – она слегка ударила Пьера веером по носу.
- Прошу, ускорь встречу.
- Я подумаю, мне пора, – бросила она, освобождая длань из плена настойчивого студента.
- И что же? – спросила Лиза, когда они с Иваном Андреевичем уединились у камина.
- Что?

– Вы считаете Анатолия Федоровича законодателем общественного мнения, исходя только из того, что он выполнил свой профессиональный долг так как следует?

– Я считаю, что если каждый будет выполнять профессиональный долг именно как долг, а не как средство зарабатывания веса в общества и уж – упаси Бог – денег, то плачевную ситуацию, царящую в разных сферах общественной жизни, удастся изменить. Разумеется, если это будет возведено в ранг государственной политики!

– Что же должно произойти, чтобы государственная политика отклонилась от намеченного курса и последовала курсу Вашему?

– Ну, во всяком случае, ей следует отказаться от подобных вот «диктаторов сердца». – Иван Андреевич кивнул головой в сторону Лорис-Меликова, который упорно доказывал что-то одному из своих собеседников на глаза десятков гостей. Он был неприятен Бубецкому, и ему даже казалось сейчас, что он нарочито позирует перед собравшимися. «Шут», – подумал юный князь и незаметно для себя поморщился.

Меж тем по залу пронесся шепот. «Чайковский, Чайковский», – по отрывкам окончаний смогла разобрать Лиза. Это имя подействовало на нее магически – так, что она готова была даже прервать политическую дискуссию с диктатором своего сердца.

– Иван Андреевич... Там, кажется...

Незамеченным широкой публикой, в зале появился невысокий сухощавый человек с седой бородой и подчеркнуто стройный. Глаза его излучали грусть и одиночество – такие, какие обычно людям не свойственны и бывают только у людей, страдающих неизлечимым недугом. Присутствующий таким недугом страдал – его тяготило непонимание, презрение общества – нелюбовь, в общем, тех, кто, хоть и сам грешен с головы до пят, а грех другого возведет в религию. Лишь на редкие минуты мог он сломить это общественное сопротивление, когда завладевал умами и душами всех тех, кто корил его за личные качества несколько мгновений назад – когда садился за рояль и исполнял неслыханные по красоте вещи собственного сочинения. И в вещах этих, как и в походке, и во взгляде, и в голосе этого человека сквозила та неистребимая грусть, которую, в силу тяжелейшего давления и веса, можно было уже назвать обреченностью.

– Петр Ильич, с возвращением Вас, – сказала пожилая графиня, протягивая руку композитору. Завидев ее среди гостей, Чайковский улыбнулся. Они были давно знакомы – в Москве он когда-то снимал у нее комнату, еще, кажется, будучи студентом, и она притом была к нему чрезвычайно добра. Здесь это было, пожалуй, единственное лицо, которому композитор улыбался. Про остальных он не то, чтобы думал плохо или презрительно – его скорее тяготило, что они о нем думали, и потому предпочитал держаться от них на расстоянии.

– Благодарю, графиня. В Париже теперь не сезон – слякоть несусветная, так насквозь промокшим и простуженным вернулся я в наш холодный город. Хоть и ветра здесь почти тютчевские, и морозы, а все же роднее – и не скрываю своей надежды на выздоровление здесь.

– Непременно, непременно поправляйтесь. А как там Полина?

– Госпожа Виардо? Что ж в этом сезоне вернулась на сцену после почти пятилетнего перерыва – смерть любимого перенесла очень тяжело.

Присутствующие скорбно замолчали – всем здесь было известно, что французская певица испанского происхождения Полина Виардо-Гарсиа, супруга известного французского финансового аристократа, долго носила траур после смерти в 1883 году своего возлюбленного, русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Лиза три месяца назад по настоятельному требованию Ивана Андреича перечитала его «Вешние воды» и «Асю» и была поражена тому воздействию, что оказали на нее эти произведения – она впервые читала их года два назад, не будучи ни в кого влюбленной, и показались они ей чрезвычайно скучными и вообще малопонятными. Теперь же она была поражена той точностью, с какой автор описывает чувства, испытываемые совсем молодыми еще людьми, по отношению друг к другу. Закрывая книгу, она подумала тогда, что писать так может лишь человек, сам перманентно находящийся в состоянии влюбленности, самой живой и горячей.

– Меж тем, – продолжал Чайковский, – голос нимало не изменился, и очень порадовала меня своим исполнением некоторых моих работ.

– Когда же окончите «Моцартиану»?

– Здесь, увы, порадовать нечем – дел столько, да и Париж с его великосветскими настроениями и вылазками так отвлек от работы, – что раньше декабря и не чаю кончить.

Заслышав гостя, компанию вскоре разбавил и градоначальник.

– Петр Ильич, честь имею!

– Здравствуйте, Ваше Высокопревосходительство!

– Оказали-таки честь, вытянули мы Вас!

– Для меня Ваше суаре – как спасение из слякотного Парижа и ледяного Питера. Кажется, только здесь и согреюсь.

– Отчего же вина не пьете? Пейте, замечательное «Шато бель Эвек», прямиком из Франции.

– А я бы, ей-Богу, русской водочки не прочь!

– Как прикажете! Любезный...

Композитор опрокинул маленькую стопку – и глаза его заблестели, засветились излучаемой ими детской добротой.

– Порадуете нынче?

– И сам думал, и руки чешутся. А что сыграть – право, не знаю.

Здесь разномастная публика сошлась в едином мнении. Со всех концов зала послышалось: «Средь шумного бала... Средь шумного бала...»

Композитор сел за рояль – и вскоре из-под пальцев его полетели по всему залу, по всем комнатам, по всему дворцу чудные звуки, в объятиях которых даже самые жаркие споры и распри ненадолго утихли, а самые непримиримые враги умолкли и даже, казалось, ненадолго примирились. Графиня Белосельская-Белозерская пела под аккомпанемент автора, а весь мир замер и внимал музам говорящим:

*Средь шумного бала, случайно, В тревоге мирской суеты, Тебя я
увидел, но тайна
Твои покрывала черты*

*Лишь очи печально глядели, А голос так дивно звучал, Как звон
отдалённой свирели, Как моря играющий вал*

*Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид, А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моём сердце звучит*

*В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь — Я вижу печальные очи, Я слышу
весёлую речь*

*И грустно я так засыпаю, И в грёзах неведомых сплю...
Люблю ли тебя – я не знаю, Но кажется мне, что люблю!*

...Лиза была преисполнена впечатлениями. И всю дорогу до дома, и после ночью, когда ворочалась в постели и долго не могла уснуть, вспоминала она черты диктатора своего сердца, ловила каждое услышанное сегодня слово, анализировала каждую увиденную деталь. Ей казалось, что за один вечер прожита добрая половина ее жизни, и радовало то, что это не так – и впереди еще долгие ее годы, наполненные красотой и любовью.

Глава вторая «Беседы»

Университет – эта alma mater своих питомцев – должен напитать их здоровым, чистым и укрепляющим молоком общих руководящих начал. В практической жизни, среди злободневных вопросов техники и практики, об этих началах придется им услышать уже редко. Отыскивать их и раздумывать о них в лихорадочной суете деловой жизни уже поздно. С ними, как с прочным вооружением, как с верным компасом, надо войти в жизнь. Когда человека обступят столь обычные низменные соблазны и стимулы действий: нажива, карьера, самодовольство удовлетворенного самолюбия и тоска неудовлетворенного тщеславия и т. п., когда на каждом шагу станут грозить мели, подводные камни и манить заводи со стоячею водою, тогда не будет уже времени да, пожалуй, и охоты запастись таким стеснительным компасом.

А. Ф. Кони, русский юрист

– ...Именно поэтому принцип презумпции невиновности является одним из основополагающих, базовых начал уголовного процесса. Отступление от него недопустимо ни по одной категории уголовных дел, ибо его реализация является основной гарантией соблюдения процессуальных прав обвиняемого. За сим позвольте кончить на сегодня. Всех благодарю!

Дружными аплодисментами проводил зал Анатолия Федоровича Кони. В этот час в Университете уже никого по обыкновению не было – учебные занятия давно окончились, и только некие радательные студенты собрались на факультативное занятие к любимому своему профессору уголовного процесса. На улице было темно – конец февраля давал о себе знать, и только несколько окошек на втором этаже университетского корпуса светились в этот поздний час. Хотя не такой уж он был и поздний – было всего-навсего шесть часов. Иван Андреич следил за часами – скоро ему предстоял урок в доме Светлицких, и потому он немного спешил, но не мог полностью отказать себе в удовольствии послушать речь любимого профессора.

Как водится, после окончания лекции Бубецкой подошел к Анатолию Федоровичу.

– Профессор, Ваше сегодняшнее углубление в историю было просто изумительно, – взахлеб говорил прилежный студент. Кони одобрительно смотрел на него, временами смущенно улыбаясь и отводя глаза в сторону. – Однако меня интересует вопрос о Вашем отношении к делам террористов?

Кони посерьезнел.

– Для меня это такие же уголовные дела, как и все остальные. Почему Вы их так выделяете и что именно в судопроизводстве по ним Вас так интересует?

– Дело в том, что выделяю их не я, а скорее общественное мнение. Среди ряда ученых-криминалистов – именно по причине возросшего общественного вокруг них резонанса – бытует точка зрения о необходимости усеченного доказывания по данной категории дел, и, как следствие, отказа от действия презумпции невиновности...

– Вот это-то и страшно. Это то, о чем я говорил накануне на балу у Лорис-Меликова. Вмешательство государственной политики в любую из сфер общественной жизни, в том числе и в правосудие, всегда чревато субъективизмом, который недопустим в уголовном судопроизводстве.

– Не хотите ли Вы высказаться на эту тему публично?

Кони улыбнулся.

– Я, Иван Андреевич, последние лет десять уж только тем и занимаюсь, что высказываюсь на эту тему публично. И ничего, кроме проблем, не заработал. Но не это меня страшит. Меня страшит скорее опасность быть неслышанным.

– Непопулярным?

– Нет, именно неслышанным. Обществу и государству выгодна сейчас обратная занимаемой мной позиция, потому все мои выступления могут означать лишь сотрясание воздуха. Так что пусть каждый занимается своим делом – я буду читать Вам лекции, а народодовольцы пусть отстаивают точку зрения относительно террора со своих позиций.

– Но говорить надо, обязательно надо, Анатолий Федорович! – не унимался Бубецкой. – Молчание сейчас, в такое время подобно разве что...

Он не успел договорить – карманные часы заиграли в его жилете незамысловатой мелодией Штраусова вальса, и Иван Андреевич вспомнил ос врем вечернем долге.

– Вам, как я вижу, пора. Давайте продолжим послезавтра, у меня будет время после занятий.

Бубецкой улыбнулся и крепко пожал на прощание руку своего учителя.

В это время в доме Светлицких все ждали появления дорогого гостя. Лиза вернулась с занятий еще днем, успела подготовить все уроки и теперь ей предстояло повысить уровень своей грамотности tet-a-tet с Иваном Андреевичем. Но не прививки знаний по русской словесности с таким нетерпением в сердце жаждала она наедине с собой в своей комнате – а свидания с тем, кто, пока по непонятным ей физиологическим причинам, столь много места занимал в ее голове.

Он же стал предметом и вечернего обсуждения в гостиной – его дальнейшая судьба занимала сегодня Дмитрия Афанасьевича и его супругу.

– Как ты находишь, mon ange, – говорил глава семейства, – как далее сложится судьба Ивана Андреевича?

Он читал газету и не отрывал от нее глаз, супруга была увлечена очередным творением Диккенса, только что переведенным на русский язык, и все это носило характер некоей отвлеченной беседы, до содержания которой никому из ее участников будто бы нет особого дела. Однако, оторвись они сейчас от своих скучных занятий и посмотри друг на друга – каждый увидел бы в своем визави живой интерес.

– Почему ты спрашиваешь об этом, Митенька?

– Не более, чем любопытство. Занятный он юноша – из благородных, да и по манерам видно, и по knowledge`s, но вот вишь беда, разорился вконец и дальнейшая жизнь его туманна от этого. А недурственно было бы ему в государеву службу поступить...

– Дай срок, и непременно поступит. Он ведь еще, кажется, студент?

– Да, но и студент мог бы иметь неплохое жалованье, служа в качестве писаря где-нибудь в конторе. Надо бы подумать о его трудоустройстве. Жаль будет, если эдакий незаурядный юноша и пропадет в водовороте нынешних смутных событий...

– Однако, ты проявляешь к нему самый горячий интерес.

– Отнюдь. Я как человек государственный вижу – и вчерашняя моя беседа с градоначальником есть лишнее тому подтверждение, – что дела в Отечестве нашем обстоят не очень-то хорошо. И потому мой первый долг в таких обстоятельствах заботиться об евгенике той людской породы, из которой выходит чиновник, военачальник, министр в конце концов. А в нем я вижу недурные задатки. Потому и нахожу возможным принять в из развитии посильное – не более – участие. Как говорится, «талантам надо помогать – бездарности пробьются сами»!

Катерина Ивановна сняла очки и пристально посмотрела на мужа.

– А по моему мнению, душа моя, ты хочешь сказать иное, – не скрывая лукавой усмешки, произнесла она.

– Что именно? – по-прежнему не отрываясь от «Ведомостей», как ни в чем не бывало спросил Дмитрий Афанасьевич.

– Не рассматриваешь ли ты нашего Ивана Андреевича в качестве партии для Лизоньки? Муж поперхнулся.

– Что ты! Ей об этом думать еще рано!

– Нет, и ты это прекрасно знаешь.

– Послушай, на что это ты намекаешь?

– Я достаточно прямолинейна, как мне кажется. И, придерживаясь этой прямолинейности, говорю – лично мне Иван Андреевич очень кажется на роль будущего зятя. Мы знаем его достаточно неплохо – по нынешним меркам полгода это срок, да и Лиза, кажется, к нему расположена...

– Что за вздор?! Она мне ничего подобного не говорила!

– А об этом не говорят, сударь мой. Об этом все больше молчат. Ты уж – воля твоя – деятель государственный, и в словах знаешь толк не в пример лучше мне. А вот я напротив – как всякая женщина и без слов понять могу, что именно творится на душе собственной дочери.

– И ты хочешь сказать?..

– Именно. Именно это я и хочу сказать.

Дмитрий Афанасьевич хотел было что-то парировать, как из прихожей раздался сначала звук дверного колокольчика, а после шум. Пришел Иван Андреевич. Отряхиваясь от снега, сырыми комьями залепившего стекла очков, вошел студент в приемную гостеприимного дома.

– Кланяюсь, милостивые государе.

– Здравствуйте, голубчик. Никак продрогли? Не прикажете ли чаю?

– Ах, нет, благодарю Вас, я и так кажется заставляю мою воспитанницу ждать, а это уж очень с моей стороны нехорошо.

Слышала беседу и Лиза. Она вся в ожидании прихода Ивана Андреевича обыкновенно превращалась в один тонкий слуховой нерв. Отпрянув от двери и поймав себя на том, что подслушивать не пристало девушке из высшего общества, она заняла место за столом в своей комнате, изобразив из себя прилежную ученицу – что, впрочем, судя по блеску ее глаз получалось у нее прескверно.

Минуту спустя присоединился к ней Иван Андреевич.

– Здравствуйте, Елизавета Дмитриевна.

Она сделала книксен, привстав со стула, и улыбаясь, уставилась в пол.

– Ваши родители давеча изволили сделать мне замечание по поводу Ваших пошатнувшихся успехов по нашей профильной дисциплине...

– Это пустое. Они преувеличивают.

– Я бы не был так категоричен по отношению к родителям. И потому позвольте вовсе оставить рассуждения на эту тему. Не угодно ли перейти к занятиям?

– Прошу Вас, Иван Андреевич. Ведь это все, право, так скучно. Не угодно ли лучше поговорить о терроре? Продолжить нехстати вчера прерванную беседу?

При этих словах глаза Лизы загорелись – что не воодушевило Ивана Андреевича. Он насупился, поскольку не считал юную барышню из высшего света надлежащей собеседницей в столь шепетильном для него вопросе.

– Как мне кажется, Елизавета Дмитриевна, Ваши родители платят мне не за то, чтобы я беседовал с Вами о преступниках.

– Ну прошу Вас... Ну хоть немного...

Помолчав немного, студент покорно произнес, не сводя глаз со своей ученицы:

– Что ж, воля Ваша. Но только после прохождения очередного тематического занятия.

Он проявил некоторую педагогическую хитрость – обманом заставил непослушную ученицу проявить ученическое рвение в обмен на живо интересующий ее разговор. Так обычно

поступают с маленькими детьми, обещая им после приема горького лекарства сладкую конфету. Она была в сущности еще ребенок, а потому этот прием сработал с ней без труда. И когда несколько минут спустя Катерина Ивановна поднялась наверх, чтобы подслушать краем уха тему их беседы, надеясь втайне услышать там нечто вроде будучарного разговора, то была нисколько удивлена и даже несколько расстроена услышанным...

– ...И отчего, ну скажите, отчего на русском языке читать сложнее, чем на всех остальных? По латыни к примеру или по-английски я усваиваю куда лучше, хотя русский – мой родной язык.

– Тут существует несколько точек зрения. Одну из них презанятно озвучил мой товарищ, популярный ныне писатель Федя Сологуб. Он считает, что тяготы в прочтении на русском языке состоят в недостатке в алфавите нестрочных букв – букв, возвышающихся над строкой, или, напротив, со строки ниспадающих. Ять, р, у, ф, б, д – вот, по сути, и все буквы, которые не вписываются в строку. А они являются опорой для глаз, рычагом чтения, можно сказать. Глаз поневоле улавливает эдакое отступление от нормы и, опираясь на него, строит дальнейшее чтение уже легче. В данном случае глаз не так быстро утомляется. В нашем же языке таких букв явный дефицит – и потому почти все буквы сливаются в односложность, и читать оттого тяжелее...

Катерина Ивановна, не в силах дослушать эту малопонятную ей речь, не солоно хлебавши спустилась в столовую и приказала накрывать на стол – сегодня она решила пригласить и Ивана Андреевича разделить с ними трапезу.

...Толстое папье-маше промокнуло очередную тетрадную страницу, исписанную убористым девичьим почерком под неумолимую диктовку Ивана Андреевича. Видя уставшие девичьи глаза, он сам про себя решил, что видно перебрал кредита доверия – она уж и впрямь сегодня перезанималась.

– Ну так как? – уточнил он. – Продолжим?

– Будет, у меня уж и рука устала.

– Не позволяйте лености говорить подобные фразы...

– А Вы держите свои слова!

– Как прикажете, – с плохо скрываемым удовольствием Бубецкой закрыл книгу и снял с носа очки. – О чем угодно беседовать?

– Мы вчера, кажется, остановились на Гриневицком.

– Гриневицкий... Ну что ж... Личность вполне себе заурядная...

– Так уж и заурядная – самого государя императора жизни лишить?!

– Дело ведь не в нем. Не он был организатором покушения, он был лишь исполнителем, его движущей силой, его механизмом. Тут важнее и куда интереснее другое – что стояло за ним, что его направляло?

– По-моему это ясно как Божий день – «Народная воля».

– Вы правы. Но не «Народная воля» как партия, как ячейка, а народная воля как совокупность исторических условий и мыслей, царивших в обществе. Изволите ли видеть, иначе было просто нельзя. Невозможно, невыносимо обществу в конце 19 столетия мириться с тем диким обманом, в который поверг его царь и его чиновники.

– Оттого Вы так гневно отзываетесь о Лорис-Меликове?

– И не только о нем. И жест Гриневицкого считаю подвигом, если угодно.

После этих слов он сделал паузу – ожидая, что вот сейчас она наконец поймет опасность этого своего живого интереса к террору, и либо прервет его, либо внешне подаст некий знак, говорящий о необходимости сменить тему или хотя бы тон. Но ничего в ней не выдавало смущения. Напротив, она как будто прониклась мыслями о терроре как о единственном способе донесения волеизъявления народа до власть предержащих в условиях, когда любой голос любого его представителя не имеет никакого значения.

Он говорил горячо, убедительно и она обратила внимание на периодически сжимавшийся его кулак. Не отводя от него глаз, она мысленно перенеслась в события 1 марта 1881 года. Словно бы явилась ей оттаявшая мостовая, по которой несется карета Императора. Вокруг народ. Полицейские, жандармы, торговцы газетами. Из-за какого-то едва заметного угла, из какого-то темного проулка появляется фигура в пальто – невысокая, сгорбленная, держащая в руках сверток. Секунда – и сверток этот летит в карету. Мимо! На звук взрыва из кареты выходит государь – высокий, статный, с окладистыми усами. Он идет, чтобы посмотреть на террориста. Камер-юнкер, городской и мальчишка из мясной лавки смотрят на него с трепетом и волнением. Как вдруг! Не успеваешь государь подойти к раненому, как раздается новый взрыв, и скакавший рядом городской оказывается поодаль лежащим ниц с оторванными ногами. Кровь заливает набережную. Смертельно раненый царь – этот давешний гигант с огромными усами, облаченный в парадный мундир, на руках отползает от места взрыва, но уже поздно – нанесенные ему ранения не совместимы с жизнью. Кругом слышен крик, клубы дыма застят глаза, а стоит им рассеяться – как увидит сторонний наблюдатель залитую кровью брусчатку главной улицы столицы...

Поднимаясь в комнату дочери вторично, мама уже и не напрягала слух – сентенции на тему русского правописания были ей мало интересны в силу возраста, да и сказать она хотела нечто совершенно иное.

– Иван Андреевич, не откажите в любезности отужинать с нами.

Лиза не поверила своему счастью – неужели ее возлюбленный по воле ее маменьки, которой она еще и не думала открываться в своих чувствах, проведет подле нее еще несколько чудесных минут?! Первой мыслью было обнять родительницу, но опасения взяли верх – пока все происходящее меж ними тайна (как наивна в этом молодость, полагающая свои тайны самыми секретными и тщательно замаскированными) не будет ли ее жест воспринят косо? А потому ограничилась она одной лишь улыбкой уголками губ – но и того матери было достаточно, чтобы схватить этот жест и ответить на него взаимностью.

Минуту спустя все уже сидели в столовой и за ужином обсуждали мнения Ивана Андреевича по тем или иным вопросам социального бытия.

– Скажите, – говорил Дмитрий Афанасьевич, – ведь вы обучаетесь по нашей, юридической профессии?

– Так точно-с.

– Не доставляют ли Вам хлопот занятия по словесности и грамматике?

– Во-первых, как мне кажется, для любого русского человека они не то чтобы не могут составлять хлопот а даже несут в себе некоторую приятную миссию. А во-вторых, как говорит Анатолий Федорович, «юрист в России – больше, чем юрист». Назначьте агронома или инженера председательствовать в суде – все дело завалит. А профессия юриста такова, что самые потаенные уголки человеческой души он видеть и чувствовать способен. И потому может и инженерией заниматься, и словесностью, и духовным воспитанием.

– Кони... – поморщился хозяин дома. – Граф Набоков утверждает, тот еще смутьян.

– Граф Набоков в этом не одинок, – парировал Бубецкой. – Общество вообще плохо приемлет Кони после процесса Засулич. Однако ж, его можно оценивать по-всякому, а с утверждением не поспоришь!

– И то верно, – смутился Дмитрий Афанасьевич и улыбнулся в усы. – А как Вы видите свое дальнейшее будущее, позвольте осведомиться? В юридической профессии или все же в лингвистике?

– Разумеется, в профессии той которой посвящена большая часть моего времени. В адвокатуре, полагаю.

– Что ж, достойно. А попади к Вам в руки эдакая Засулич – защищать станете?

– То святой долг адвоката.

Бубецкой предвидел негативную реакцию Светлицкого на такой ответ – и не ошибся. Хозяин дома сразу помрачнел и весь оставшийся вечер предпочитал уклоняться от разговоров. А потому беседы велись на темы отвлеченные, житейские, да и вообще весь ужин напоминал больше смотрины. Ивана Андреевича это тяготило, и потому ответив на некоторые вопросы своих сегодняшних корреспондентов, спустя полчаса он уже ехал на извозчике в свою квартиру на Староникитском.

Поднявшись в комнату – он снимал в доходном доме мадам де Фужере – он расстелил постель, улегся, но долго не мог уснуть и все ворочался. Проведя так около получаса, он поднялся с места и тихо, стараясь не шуметь, оделся и вышел из дому. Поймав извозчика, велел ему ехать далеко за город, на острова. А уже час спустя входил в загородный дом, что снимал его университетский товарищ Петр Шевырев. К тому моменту там уже было достаточнолюдно – и главным из присутствующих был высокий, статный, видный молодой человек с густой черной шевелюрой и жестким, цепким взглядом, выражавшим агрессию и решимость. Это был сын симбирского чиновника, старшего по гимназиям и учебным заведениям Ильи Ульянова, тоже студент юридического факультета Александр. Сидя в плохо освещенной комнате за столом среди собравшихся здесь студентов, произносил он не то чтобы речь – скорее читал мысли присутствующих. Говорил вполголоса, но реакция на слова его была столь животрепещущей, что и по губам читать могли – оттого, наверное, что каждое слово разделял каждый из слушателей.

– Сегодня мы видим перед своими глазами неумолимый регресс, – говорил он. – Откат назад в классическом виде. Ни одна из обещанных или намеченных реформ не просто не доведена до конца – она даже не начата. Все либеральные обещания остались только лишь обещаниями. А все почему? Потому что царская власть на то и представляет собой образчик ничем не ограниченной, абсолютной монархии, что ни на какие уступки и послабления по отношению к угнетаемому обществу не пойдет. И не надо быть великим марксистом, чтобы это утверждать. Достаточно обратиться к нашей истории. Нечто подобное уже было после великих потрясений, которые свалились на нашу голову в 1812 году. В борьбе за сохранение целостности империи царь готов был обещать народу все, что угодно – любые преференции и либеральные реформы. Однако, стоило внешней угрозе миновать, как его же родной брат поправил начисто все обещания покойного Александра. Но общество уже стало другим – этого Николай Палкин не мог учесть, поскольку не видел дальше своего носа. И значительную роль в трансформации общественного сознания сыграло засилье как раз европейских демократий, о которых уже знали и слышали. Одну монархию мы благополучно превратили в прах – монархию Наполеона. И ничем не лучше был Николай Палкин. И еще вчера обещавшая декабристам относительную свободу власть сегодня не моргнув глазом вздернула их на виселице. Опять же – из-за чего? Из-за их нерешительности и самообмана, касающегося того факта, что царская власть что-то им дескать уступит. Ничего она не уступит никогда, пока бьется сердце последнего царя, и никакие договоры, заключаемые с обществом – по теории Маркса в Европе такое бывает, но не у нас, ментальность да и сама природа не позволяет – никогда русская власть выполнять не будет. И потому этот исторический урок, а также опыт 1 марта 1881 года, который еще свеж у нас в памяти как подвиг, совершенный нашими товарищами по «Народной воле», должны нас научить порядку действий в такой ситуации. И никаким другим он быть не может, кроме как радикальным!

Все присутствующие уже понимали, о чем говорит Александр Ульянов, но никто не решался задать самого главного, навещающего вопроса. Не такова была кипучая натура русского дворянина Бубецкого, чтобы в такой ситуации промолчать – и он решил это молчание нарушить.

– Товарищ! Ты говоришь об убийстве царя?

– И только. Иного пути у нас нет.

Глава третья «Бремя страстей человеческих»

*Разврат, какой бы ни был, истощает душу,
оставляет крупинки яда, которые всегда будут действовать*

А. И. Герцен, русский писатель

Разъехались гости Петра Шевырева только утром. Сам он около шести часов лег почитать, но осадок от встречи – эти новые яркие впечатления – мешали ему спокойно заснуть. И не то, чтобы он услышал нечто доселе неслыханное или сокровенное для самого себя – его скорее удивляло и занимало, как сильно прогрессируют народолюбческие идеалы, революционные идеи и принципы в умах молодежи, еще вчера не имевшей о сопротивлении императорской тирании ни малейшего представления. Казалось бы – сам Шевырев еще пару лет назад впервые организовавший «Союз землячеств» просто как некую оппозиционную политическую даже не партию – ячейку, – и столкнувшийся с полным неприятием со стороны действующей власти какой-либо оппозиции в принципе – лишь расширял круг своих единомышленников, делаясь с ними впечатлениями о трудах Гоббса и Степняк-Кравчинского, а они в свою очередь развивали их до таких масштабов, до которых он раньше не мог и додуматься. Взять хотя бы этого Александра Ульянова – когда он пришел на первое семинарское занятие по философии, где они и сошлись благодаря общительности и обширным научным интересам, мог ли Шевырев догадываться о бушующих внутри него, чиновничьего сына, бунтарских страстях? Ничуть. Ему как сыну чиновника средней руки полагалось быть послушным и если не повторить путь своего отца, то во всяком случае не уступить ему места на служебной лестнице. Однако, из всей организованной им ныне фракции в лице именно Ульянова видел он не просто слепое, ревностное служение обозначенной им идее, а ее духовный и практический рост, вдохновение в нее новой жизни, появление новых перспектив, планов и задач.

Из головы Петра Яковлевича все не выходил вчерашний разговор.

Когда Ульянов закончил свою речь, другой студент, Бубецкой начал задавать ему вопросы, связанные с конкретной организацией покушения. Тогда так быстро перешли от обсуждения теории к деталям, что Шевыреву стало даже немного не по себе – это значило, что никто даже не сомневался в правильности выбранного Ульяновым пути, который теперь предстояло разделить всем.

– Но Вы сами понимаете, что доступ к императору закрыт, подобраться к нему будет не так просто? Наши товарищи тогда, 6 лет назад, имели дело с другими обстоятельствами...

– Понимаю, но среди нас есть человек, который вхож в ближний круг императора...

Многие догадывались, о ком именно идет речь, но никто толком не знал, через какую именно дверь входит он в присутственные места царя. Все как по команде обратили лица в сторону стоявшего чуть поодаль от стола Шевырева.

– Господа, – начал было он, – это будет очень трудно. Во-первых, потому что ни сам я, ни Мария Андреевна в близкий круг императора не вхожи. Вхож туда ее супруг, а на него я влиянию не имею...

Для Бубецкого слышанное было откровением. Он внимательно следил за тем, как напряглось лицо Шевырева, как он стал нервно ходить по комнате из угла в угол.

– Во-вторых, мы с ней не настолько близки, чтобы я мог обращаться к ее супругу с просьбами. В-третьих, как, под каким предлогом я попрошу ее разведать у мужа о порядке передвижения императора? Что я сей скажу?

Ульянов встал из-за стола и вплотную приблизился к Шевыреву.

– Сдается мне, Пьер, Вы ищите повода, чтобы уклониться от содействия революционному движению?

– Ничуть. Я лишь провожу грань между личным и общественным.

– Вы говорите ерунду. Для нас нет ни личного, ни общественного. Сама идея служения революции предполагает отказ от каких бы то ни было предрассудков в данном отношении, что навязываются нам враждебным обществом.

– Я понимаю... Я лишь говорю о трудностях, с которыми придется столкнуться в достижении поставленной Вами мне цели.

– Никто и не уверял Вас в легкости избранного пути, – самодовольно поднял голову Ульянов. – А трудности, с которыми нам всем еще предстоит столкнуться, прежде, чем император будет убит, несравнимо превышают Ваши.

– И все же меня беспокоит один вопрос?

– Какой?

– Почему мы должны непременно УБИТЬ императора?

– Вы не согласны с тем, что сохранение самодержавной монархии ставит на колени целый народ?

– Я не согласен с тем, что убийство императора является способом решения данной проблемы. Вспомните 1 марта. Что было тогда? Одумалось ли самодержавие или только с пущей силой закрутило гайки и революционному движению, и оппозиции, и реформам вообще?

– Ваши слова отдают упадничеством, – вступил в разговор Бубецкой. Позиции Ульянова были для него несравнимо ближе того «революционного либерализма» что проявлял сейчас Шевырев. Но Ульянов был не в пример ему горяч и зачастую не способен с точки зрения научной отстаивать свою правоту, подменяя разумную аргументацию эмоциями и напором. В Бубецком эмоций тоже было предостаточно, но в данных вопросах он придерживался холодной логики, основанной на фактах и знании жизни.

– Александр говорит о действии, а Вы в диалоге о последствиях оборачиваетесь назад. Что ж, позвольте Вам парировать. Во-первых, после 1 марта 1881 года «Народная воля» оттого потерпела политическое поражение, что не обратилась ни к трону, ни к народу ни с каким манифестом. Мы же намерены сделать это немедленно после покушения. А во-вторых, с одного удара свалить быка и не получится. Веками телец самодержавия отъедался и укреплял свою силу. Первый удар хоть и был провальным, но был все же ощутимым. За ним последует второй, третий, и возможно не сейчас, а после двадцатого удасться лишить его жизненных сил. Но не бывает двадцатый сразу после первого. После первого следует второй и лишь через два десятка – двадцатый. Так что говорить о беспечности данного шага мы не можем – еще и потому, что какой бы то ни было либерализм, какая бы то ни было избирательность в выборе мишени могут привести к краху куда вернее и раньше, чем убийство царя. Что даст убийство министра? Или чиновника? Или великого князя? Или губернатора? Засулич стреляла в Трепова – и что? Из положительных эффектов был только оправдательный приговор. Работа ради работы. Мы здесь собрались не для этого.

Среди собравшихся зашумели – одобрение слов Бубецкого было налицо. Шевырев был побит. Но Ульянов решил закрепить свое положение. Он поднялся с места и заговорил негромко, но очень отчетливо:

– Прошу голосовать, товарищи. Кто за убийство царя?

В единодушном порыве комната вскинула руки под потолок. Шевырев помешкался еще немного, но тоже проголосовал положительно.

– Итак, теперь нам сообщать предстоит разработать план этого важнейшего политического процесса. Не хватает только информации – и здесь, Пьер, дело только за Вами...

Шевырев лежал на постели и, морщась, вспоминал эти слова. Теперь он стал заложником того дела, которое некогда начал. Тяготило его главным образом не то, что он должен выпы-

тать у своей замужней любовницы план передвижений царя на ближайший месяц, а то, что он уже не испытывал к ней чувств, и для достижения революционной цели предстояло переступить через себя, через человека внутри себя. Сама по себе игра в адюльтер, даже если он кажется на первых порах соблазнительным, есть преступление через себя. Дело в том, что очевидным оно становится по отливу той страстной волны, что захватывает влюбленных. И вот тогда с удвоенной силой ощущается вся мерзость происходящего, и виноватым в этом ощущении привычно считать весь белый свет, тогда как виноваты только двое.

За окном раскричались петухи – студент взглянул на часы и поморщился. Через три часа предстояла встреча с той самой, о которой говорили вчера – с княгиней Каменецкой, чей супруг был чиновником канцелярии по принятию прошений на Высочайшее Имя, и по долгу службы встречался с государем два раза в неделю. Нехотя, он поднялся с кровати, спустился вниз, умылся и принял приглашение хозяйки дома отправиться на завтрак, как в дверь постучали. Хозяйка отворила – то был посыльный мальчишка, что принес студенту какую-то записку. Нетерпеливо развернув ее, Шевырев прочел строки, написанные до боли знакомым почерком:

«Милый Пьер, сегодня встретиться не сможем – муж захворал и проведет дома дня три-четыре. Безмерно скучаю и люблю, Ваша Мари».

Студент улыбнулся.

– Ответ будет? – спросил посыльный.

– Нет. Скажи только на словах, что все понятно, – и, сунув ему двугривенный в руку, закрыл дверь. С невероятным воодушевлением вернулся он за стол, и в продолжение завтрака все шутил, смелся, явно обрадованный такой вестью, которая его, как человека преданного делу революции, должна была бы смутить, но – как видим – не смутила. Наскоро перекусив, студент надел новый вельветовый костюм и упорхнул по своим делам.

Пойманная им на углу карета спустя сорок минут остановилась у пансиона де Бурже. Он то и дело сверялся со временем – как раз сейчас обитавшие здесь курсистки обыкновенно отдыхали от занятий и ходили на прогулку. Так случилось и сегодня – дверь пансиона открылась как по команде в двенадцать часов, и бесконечной белой вереницей, от которой рябило в глазах, посыпались отсюда их платья и шляпки. С трудом, напрягая глаза, выискивал Шевырев в этом общем потоке ту, ради которой приехал сюда с другого конца города. Не сразу, но ему это удалось.

Курсистки шли нестройным рядом в направлении кондитерской Филиппова. Не выпуская из внимания одну, малозаметной фигурой следовал за ними Пьер. Наконец плотность их уменьшилась – часть зашла в булочную, а часть осталась у лотка с рисованными открытками, чтобы повнимательнее их рассмотреть и конечно приобрести несколько штук; как, право, девушки во все времена падки на подобные безделицы. На его счастье, та, что интересовала его, осталась на улице. Он подбежал к лотку и сделал вид, что приглядывает себе что-то.

– А почему вот эта? – девушка протянула руку к одной из открыток, на которой был изображен повязанный бантиком серый плюшевый медведь. Внезапно мужская рука в перчатке из-за ее спины тоже коснулась той же открытки. Девушка сначала испугалась, но потом, признав в носителе руки Пьера, даже улыбнулась.

– Какое это имеет значение, если Вам нравится? – улыбаясь своей искренней и светлой, почти детской улыбкой, так несвойственной человеку его возраста – с высоты семилетней разницы он сейчас казался ей уже очень взрослым, даже пожилым – и в то же время так покорившей ее несколько недель назад, спрашивал Пьер. Лоточник улыбнулся, улыбнулась и Аня. Бросив продавцу гривенник, Пьер увлек свою недавнюю знакомую в сторону от ее подруг, которые впрочем достаточно внимательно следили за их передвижениями.

– Почему Вы здесь?

– Это вместо приветствия? Вы не рады меня видеть?

– Ну что Вы, конечно, рада, только подобные встречи могут скомпрометировать меня в глазах подруг.

– Чем же? Что нам скрывать? Разве Вы обременены какими-либо обязательствами, препятствующим нашему общению?

– Ну что Вы... Ничуть, но...

– Оставьте. Что Вы делаете нынче вечером?

– Вы выследили меня, чтобы только об этом спросить?

– Нет.

– Так зачем же еще?

– Чтобы сказать, что я уже две недели не нахожу себе места, и не могу ни о чем и ни о ком думать, кроме Вас.

– Пустое, вы все говорите одно и то же.

– Разве Вам так часто приходилось это слышать?

– Не часто, но приходилось. И потому хочу, чтобы Вы сразу понимали, что в моем представлении любовь – не слова, а дела.

– Отчего же... Готов и делом доказать свою привязанность. Я прибыл сюда, чтобы пригласить Вас нынче вечером в театр, если Вы не против, разумеется.

– Что дают?

– Лермонтовский «Маскарад».

– Довольно печальная вещь...

– А по мне – очень занятная и поучительная. Прошу, будьте ко мне добры – примите мое приглашение.

– Что ж, обещать не стану, но в половине седьмого буду ждать на углу Фонтанки и Набережной. Если хотите провести вечер вместе – приходите. Обещаю, что сегодня у Вас не будет конкурентов.

– Вы делаете меня счастливым, – студент припал к ее руке губами. Она поспешила освободить запястье из его ладони и обернулась в сторону подруг, чьи лукавые взгляды жгли ее спину.

– Полноте, на нас смотрят.

– Пусть смотрят.

– Я Вам уже говорила... Будьте серьезнее, не ставьте меня в неловкое положение.

Он посмотрел ей в глаза, оторвавшись от руки.

– Тогда до вечера?

Она ничего не ответила, а лишь улыбаясь, перебежала улицу, чтобы кипельно белым платьем вновь влиться в облако вешних курсисток.

Пьер вдохнул полной грудью – кажется, зима подходила к концу. На улице было тепло и сытно, временами ему казалось, что он даже слышит пение птиц. Все были одеты уже совсем легко – первый теплый день заставлял спешить столицу, так уставшую от этой бесконечно долгой зимы...

– ... Полагаю возможным зачет, что предстоит на будущей неделе, начать именно с этого. За сим благодарю всех за внимание!

Кони раскланялся и стал собирать бумаги, приготовленные для лекции, в портфель, как к нему снова подошел Иван Андреевич.

– Ваня, рад Вас видеть. У Вас усталый вид. Вы мало отдыхали?

– Да, практически не довелось – все читал, знаете ли.

– Напрасно молодость свою тратите на учебники.

– Разве Вы поступали не так?

– Потому и говорю, что напрасно. К чему я пришел на склоне лет? К полному отсутствию того, что в общем понятии принято называть «жизнью» – у меня нет ни супруги, ни друзей,

а только и есть, что подорванное здоровье и нервы ни к черту, по причине которых я и свел к нулю все свое окружение.

– Но зато Вы – великий человек.

– Для чего? Для науки? Возможно. Только наука не составит компанию долгим весенним вечером, не разделит с тобой постель, не приготовит на стол. Она безлична. А временами мне кажется, что и вовсе не имеет никаких черт – настолько зыбко к ней отношение общества.

– Фи... Что общество? Пустой звук.

– Напрасно вы так. Не забывайте, что именно в интересах общества та самая Засулич, о которой Вы намеренно спрашивали, и стреляла в Трепова.

– Тут другое. Существует разница между идеалами и интересами общества и интересами человека и человечества.

– Разве общество и человечество – не суть одно?

– Отнюдь. Человечество потому так и называется, что для него именно гуманитарные интересы составляют основу основ. А обществу – лишь социальная группа, заботящаяся об общем, а не об индивидуальном.

– То есть Вы считаете, что в интересах человечества, а не общества Засулич стреляла в Трепова? Почему тогда именно общество так горячо одобрило ее поступок?

– Совпадение.

– А по-моему нет. Речь идет в данном случае о том, что террор со всеми его проявлениями – есть порождение общества и всех его злейших недостатков. Хорошо не достижение конкретных целей, а именно способы его достижения – жестокость, варварство, убийство.

– Однако, как Вы категоричны! А как же Ваша позиция по делу Засулич?

– А моя позиция по делу Засулич ничуть не противоречит тому, что я сейчас говорю. Я призывал придерживаться закона – если угодно, закон и все его служители, и я в том числе тоже порождение общества.

– А разве Вы не первый у кого получилось увидеть в Засулич человека?

– Может быть, со стороны мой поступок кажется именно таким, но не эту цель я преследовал.

– Значит, Вы не оправдываете терроризм?

– Ничуть. Напротив, своим примером я должен был показать властям, что действующее законодательство сегодня таково, что и террорист может уйти от возмездия.

– Это плохо?

– Вы человек крайностей. Я этого не говорил. Научитесь судить о людях в третьем лице – и первопричина всего явится пред Ваши очи сама собой. Я не оправдываю терроризм, но и не призываю к нему.

– Но это – типичнейший пример интеллигентской неопределенности.

– Пусть так. Но я, извольте ли видеть, не могу поступать иначе – не вижу я за террором будущего.

– А за нынешним царедворством с его звериным лицом, стало быть, видите?

– Нет. И за ним не вижу. Но, чтобы претендовать на политическую степень, исповедуемой «Народной волей» точке зрения не хватает конструктивизма. Критикуя, развенчивая что-то, или даже активно борясь, необходимо четко понимать, что именно будет дальше, одержи ты завтра победу. Представлять и именно это – конечную цель, а не средства ее достижения – возводить в принцип и культ. И только когда сколько-нибудь ясным станет видение дальнейшей жизни России теми, кто стреляет в Трепова и бросает бомбы в государя, я ни минуты не медля присоединюсь к этому движению, даже если мне это будет стоить всей моей карьеры, и без того настрадавшейся за последние годы. Но убей Бог, сегодня я этого не вижу...

– Но как, скажите мне, как «Народная воля» должна открыто задекларировать свои принципы в государстве, в котором ни о какой оппозиции речи быть не может?

Кони помолчал и посмотрел на своего собеседника. На минуту Бубецкому показалось, что он обо всем догадался – о его участии в «террористической фракции» и даже о готовящемся покушении, что он проник в святая святых его мыслей. Но это не испугало Ивана Андреевича – он доверял своему учителю, и ничуть не стеснялся того, что при разговоре с ним он словно бы на приеме у врача или на исповеди у священника – если бы всякий священник обладал качествами Кони, исповедоваться бы решил даже самый злой преступник.

– На этот вопрос Вы должны ответить себе сами. Изучите историю государства и права зарубежных стран, посмотрите на западные диктатуры, изучите историю Великой Французской революции, в конце концов. Напоминаю – она началась с прогрессивных преобразований и уж только закончилась дворцовым кровопролитием.

– Применимо ли это к нам?

– Возможно, не знаю. Чтобы ответить на этот вопрос, надобно посвятить ему всю жизнь, а мне, извольте ли видеть, уже поздно. Так что поищите ответ сами. Тем более, что этим занятием Вам будет полезно занять время, коего у Вас накопилось, я гляжу, великое множество.

– Почему Вы так думаете?

– Потому что Вас интересует то, что не должно интересовать. Поймите – революционные чаяния и идеалы хороши до известных пределов. И пределы эти таковы, что если Вы отдадите жизнь за химеру, эфемерию, плохо понимая, что в действительности ждет Вас и Вашу страну в конце пути – об этом я говорил Вам только что, – то толку от этого не будет ни Вам лично, ни революционному движению, ни стране. Посему не тратьте время на распространенное увлечение читающей молодежи и подумайте о последствиях...

По окончании беседы несколько подавленный Бубецкой вышел в коридор, где был тут же встречен Ульяновым.

– Какие планы?

– Особо никаких.

– Позавтракаем?

– С удовольствием – со вчерашнего дня маковой росины во рту не было.

Они прошли в трактир неподалеку и заказали себе салатов, гренек, жареной говядины и много кофе – обоим неумолимо клонило в сон, и нужно было это как-то побороть.

– Тебе не кажется странным поведение нашего друга?

– Ты про Пьера?

– Разумеется.

– Не странным, а скорее упадническим, как я вчера и сказал. Он попросту боится.

– И, как ты считаешь, может ли он без ущерба для дела, продолжать свое в нем участие?

– Мне кажется, да, но с определенными ограничениями.

– А именно?

– Выполнив свою задачу по сообщению интересующих нас сведений, он должен отойти от дела. Во всяком случае, он не может принимать участие в организации акта как такового...

Ульянов откинулся на спинку стула. В его глазах можно было прочитать видимое облегчение.

– Что с тобой?

– Спасибо тебе.

– За что?

– За то, что ты внес ясность. Я, признаться, со вчерашнего дня все места себе не находил, думал. Мне казалось, что за такое поведение надобно карать самым суровым образом – отстранение от участия в деле возможно только путем отстранения от участия в жизни.

– Что за достоевщина? К чему эти крайности? К тому же для дела он человек в общем полезный, идейный. Не решительный просто – ну что ж теперь всех нерешительных в расход пускать?

– Вот и я о том. Но сам не мог дойти – тебе спасибо, подсказал. Все ж не зря говорят, одна голова хорошо, а две лучше... Знаешь, мне кажется на том и держится наша ячейка, что ты умеешь вовремя внести рациональную ноту в наши рассуждения – не будь тебя, давно бы уже все погорело под влиянием какого-нибудь непродуманного эмоционального шага. Вот она тебе, система сдержек и противовесов в действии!

Бубецкой мысленно соглашался с ним – но ему сейчас явно не давали покоя слова Кони. Слишком уж он прислушивался к этому человеку. Можно было бы списать лишь на его авторитет – и сказать, что старик заблуждается, плохо знает жизнь, да и вообще на всех обижен после опалы, вызванной приговором по делу Засулич. Но Бубецкой знал, что это не так. В словах Кони была правда, был жизненный и философский смысл, и если принять их на веру, то от революционных идеалов не останется ровным счетом ничего. Внутри после этого разговора он стал метаться почище Шевырева, но показывать это было нельзя – сейчас он устал, и ему предстояло все как следует обдумать.

«Все преступления в мире совершаются ради женщин». Иван Андреевич хорошо знал это, но в данный момент память словно бы отказала ему – он забыл всю истинность этого утверждения, хотя еще вчера легкий нрав Шевырева вполне мог загнать под эту формулу, и объяснить его терзания именно поражающими юное сердце время от времени стрелами Амура. И все бы было хорошо – но Амур не разбирает мишеней.

Вечером предстоял краткий урок в доме Светлицких. Придя туда, Иван Андреич сразу был приглашен за стол – обстановка в доме была праздничная, праздновали именины Катерины Ивановны, и он понял, что урока не будет. Лиза сидела за столом против него и то и дело бросала в него томные взгляды. Он же чувствовал себя усталым и разбитым, и потому сожалел, что не может ответить ей взаимностью.

– Как там Кони поживает? – спросил Дмитрий Афанасьевич в перерыве между вторым и третьим горячими.

– Благодарю Вас, велел кланяться при встрече.

– Прошу передать благодарность. Все бы ничего, и старик кажется неглупый, одно только что смутян...

– Почему Вы так думаете?

– А вы думаете иначе? Вы вот например, смогли бы при рассмотрении дела отказать в просьбе министру юстиции, исходя из политических убеждений?

– Уверен, что во время диалога с Набоковым Анатолий Федорович не руководствовался политическими убеждениями.

– А чем же?

– Сугубо правовой точкой зрения.

– Вы, стало быть, его смутьяном не считаете?

– Ничуть. Напротив, сегодня у нас состоялся разговор, в котором он отозвался о «народовольцах» и вообще об их политике, об идеалах крайне непочтительно.

– Перестаньте, господа, прошу Вас, – вмешалась Катерина Ивановна. – Я сегодня хозяйка вечера и позвольте мне задавать темы для разговора. Митя, будет с нас ваших политических страстей, уж верно голова от них болит... Иван Андреевич, скажите лучше, как Вы смотрите на женитьбу? Почему до сих пор не отыскиали себе достойной спутницы?

– Полагаю, что мне об этом думать еще рано.

– Рано? Но вы уже в том самом возрасте...

– Я не о возрасте биологическом говорю, а скорее о возрасте социальном. Я, изволите ли видеть, по разумению своему, по нраву, по интересам не могу пока принять на себя социальной ответственности за другого человека.

– Вы лукавите. Вы рассудительный человек и кажется далеко пойдете...

– Но пока это лишь кажется. Жизнь расставит все по своим местам, но во всяком случае пока, я уверен, мне думать об этом не следует.

– И в этом Вашем утверждении, – с довольной физиономией парировал Дмитрий Афанасьевич, – присутствует самая что ни на есть здравая логика. Прежде надобно встать на ноги, утвердиться в должности да и вообще занять общественный вес.

Катерина Ивановна и Лиза напряглись. Дмитрий Афанасьевич не обращал на их реакцию особого внимания, но Иван Андреевич хорошо видел все, происходящее за столом.

– ...А дурное дело нехитрое...

После этих слов Лиза вскочила со своего места и убежала к себе. Иван Андреевич подорвался с места. Катерина Ивановна гневно бросила мужу:

– Как видно, государственных людей учат думать только в присутственных местах. А дома можно говорить все, что в голову взбредет. Ни грамма этикета... – И тоже ушла, чтобы успокоить дочь.

Глядя им вслед, Иван Андреевич пригубил вина и тоже отправился за ними, извиняющимся взглядом окинув Дмитрия Афанасьевича. Тот как видно понял, что сказал, да поздно – и потому не стал держать Ивана Андреича.

– Что за детство? – грозно, но негромко спросил Иван Андреевич, когда они с Лизой остались одни. Он понимал, что в такой ситуации успокоить мятушуюся юную душу можно только резким словом. – Перебивать отца, да еще и когда он прав...

– Вы, как видно, тоже так думаете. А вместе с тем совсем не видите, что...

– Не надо, – наклонившись над ней, он поднес палец к ее губам. Он понимал, что именно она хочет сейчас сказать, но был пока не готов это услышать. – Утро вечера мудренее, и давайте вернемся к этому завтра. А пока поедemте в театр?

– В театр? – Лиза подняла на Бибецкого зареванные глаза.

– Да, сегодня в Мариинке «Маскарад» Лермонтова. Так вот у меня есть лишний билет. Правда, галерка, но все же. Я Вас приглашаю.

– Я секунду, – уже улыбаясь, отвечал ему юный большой ребенок. – Мне только умыться.

Родители были несказанно рады этому приглашению – и провожали молодых в дорогу уже как мужа и жену, что все же немного напрягало Ивана Андреевича. А в начале третьего акта Лиза прошептала ему на ухо:

– Я люблю Вас, Иван Андреевич, – и поцеловала в мочку едва касаясь ее губами, так нежно и томно, что по коже пробежали мурашки. Он помолчал. Вся жизнь пронеслась в его голове. «И какого черта, собственно, ждать? Почему не сейчас? Мы строим новое государство, новую жизнь... А мне очевидно не хватает решимости. Черт побери, да не Шевырев же я в конце концов. И как видно Бог это видит – она и придаст мне необходимых сил».

Он повернулся и прошептал ей:

– И я тебя.

– И я тебя...

Они посмотрели друг на друга и искренне улыбнулись, хотя творящееся на сцене вовсе к этому не располагало.

В нескольких метрах от них сидел со своей спутницей и Шевырев. Ему было одновременно и хорошо и кошки скребли на душе – то и дело казалось, что за ним следят. Как нашкодивший мальчишка, он чувствовал на себе чей-то горячий взгляд, но всякий раз, оборачиваясь в толпу, не находил того, кого искал.

Сегодня оба они в компании юных прелестниц гнали от себя навязчиво преследующие их как любых революционеров тревогу и подозрительность. И получалось это у них так ловко, что временами чувство собственной исключительности и бахвальства овладевало их еще незрелыми душами. И конечно, меньше всего они думали сейчас о том, что все преступления на свете совершаются во имя женщин.

Глава четвертая «Перемена мест»

*Все, что неожиданно изменяет нашу жизнь, —
не случайность. Оно — в нас самих и ждет лишь внешнего повода
для выражения действием.*

А. С. Грин, русский писатель

Истомленные любовной страстью, заговорщики валялись в постели одного из номеров «Англетера» — того самого, где так любил кутить в обществе девиц легкого поведения сиятельный генерал Скобелев. Сегодня, как Пьер успел заметить, его спутница была особенно холодна — после кульминации самого акта любви она встала и отошла от него. Сейчас она сидела против зеркала в одном корсете и потягивала шампанское из бокала.

- О чем ты думаешь? — спросил он, переворачиваясь на бок.
  - О тебе.
  - Обо мне? Что обо мне думать? Я весь как на ладони.
  - Хотела бы я в это верить...
  - О чем ты?
  - А ты сам не догадываешься?
  - Ничуть.
  - Хорошо... Тогда расскажи мне, как обстоят твои революционные дела?
  - Как и всегда. Готовим манифест и еще кое-что...
  - Еще кое-что? Расскажи, мне безумно интересно все это.
- Он подошел к ней и поцеловал ее в губы.

— Но ведь это тайна. Меня за это по головке не погладят

— Пустое, расскажи... Знаешь, муж рассказывал, будто слежка за какой-то террористической организацией дала сведения о готовящемся покушении на государя. Это правда?

Шевырев побелел. Откуда она могла знать об этом? Но секунду поразмыслив, понял, что это шутка, эскапада. Такими слухами наполнилась столица начиная с 1 марта 1881 года, и все-речь поверить в то, что или она говорит правду или правдивые сведения поступили в ее распоряжение (из кулуаров и прочих бабьих мест, в коих она была завсегдаем) было бы верхом безрассудства. Но нелишним будет проявить повышенную осторожность, подумал он.

Она и впрямь блефовала. Но при виде того, как побледнел он при ее словах, поняла, что попала если не в яблочко, то очень близко к тому.

- Так это правда?
- Что за ерунда?... Так, несколько рядовых терактов, — с напускным оттенком усталой обреченности отвечивал Шевырев. — Без них ведь и вправду скучно будет. А так — все какое-то подобие революционной деятельности... — улыбнулся он.

— Все шутишь? Тогда расскажи мне о своей жизни. Как живешь, как проводишь время в мое отсутствие?

В ее голосе ему показалось подозрение. Она говорила как-то отвлеченно, глядя в зеркало и потягивая шампанское из бокала. Какая-то особенная холодность присутствовала сегодня в ней, не виданная им доселе.

- Как обычно. Как может протекать жизнь студента? Учеба, занятия, кружки...
- ...Девушки! — претенциозно добавила она.
- О чем ты говоришь, господи? Столько занятий, что головы некогда повернуть.
- Однако же ты находишь время посещать премьерные спектакли в Мариинском театре...

Сердце его екнуло, глаза забежали, в висках застучало. Так и есть, она была там вчера. Это она видела его, это ее пристальный взгляд заставил его ненадолго почувствовать себя под прицелом. Но почему тогда они не встретились взглядами? Почему он не увидел и не узнал ее в толпе зрителей? А мог ли он вообще кого-то или что-то там разглядеть? Он, верно, был так занят своей юной спутницей, что ему было не до посторонних – а она в тот вечер явно играла для него роль посторонней.

Меж тем надо было срочно выкрутиться из ситуации.

– Это сестра моего товарища по университету. У нее давеча случилась любовная драма, так товарищ попросил ее развлечь посещением какого-нибудь увеселительного места.

– И ты не нашел ничего лучшего, чем театр?

– Тебе известны мои эстетические вкусы...

– И именно потому что у нее случилась драма, ты так трепетно прижимался к ней на протяжении всего представления и даже целовал ручку?

– Что за ревность? – позволил себе улыбнуться он. – Во-первых, принимать вежливость за ухаживания это моветон. А во-вторых, ты и вовсе проживаешь с супругом и время от времени достаиваешь меня лишь короткими записками. И я меж тем молчу, хотя временами очень хочу высказаться...

Она посмотрела не него. В ее глазах, кажется, оттаял лед. Она улыбнулась, встала и провела рукой по его лицу.

– Ну что ты, милый... Ни о какой ревности речи нет. Так, пустое. Легкая хандра. Давно не виделись.

– Ну так это мы сейчас исправим, – он с легкостью поднял ее на руки и опрокинул в кровать.

Умение общаться Петр Шевырев ценил в людях превыше всего – наверное потому, что сам владел им в совершенстве. В частности, общаться с женщинами. Они понимают более язык тела, чем души и тем более слов, а потому именно тактильными контактами можно излечить их от недугов и подозрений. И чем меньше в такие минуты вы будете говорить, тем вернее у вас получится достичь искомого результата. Одного в давешней словесной перепалке он не учел – при всей логичности его аргументов, касающихся неуместной ревности, последняя в женщинах всегда присутствует в несравнимо большей степени, нежели, чем в мужчинах. Пусть она не логична, пусть не последовательна и вообще не имеет права на существование, но все же она существует – и с этим необходимо считаться.

После очередного акта любви, распалив свою спутницу и рассредоточив собранное доколе ее внимание, он решил все же задать ей главный вопрос:

– Послушай, а твой муж...

– Что? При чем тут муж?

– Я просто подумал, не использовать ли нам и его в своих планах?

Она молча приподнялась на локте над юным любовником и посмотрела в его бесстыжие но отчаянно красивые синие глаза.

– Ты с ума сошел? Он служит при высочайшей должности и ни за что не станет тебе помогать.

– Так мы его и просить не будем, так, воспользуемся оказией. А что?

Она хитро улыбнулась.

– Ничего. А что ты предложишь ему взамен?

– Я лучше предложу тебе.

– Итак, я жду...

– Например, еще один забег. Моя резвая лошадка.

– Это достойная цена... – впиваясь в его губы своими, она повалила студента на перину, уже насквозь мокрую от их пота. Кажется, сегодня ему предстояло дорого заплатить за свои игры с дамами.

За окном все таяло, текло и капало. Последние злые стужи и выюги подходили к концу, уступая дорогу новой весне, с которой как всегда связываются надежды и чаяния, которой посвящаются мечтания и сны. Лиза Светлицкая выпорхнула из ворот гимназии в сопровождении подруги – рыжей Варьки Филоновой. Глядя на них издали, Иван Андреевич подумал: «И чего она с ней проводит столько времени? Такая разница во внешностях...» И тут же сам себе ответил: «Наверное именно поэтому. Чтобы виднее было красоту». А уж эту красоту он сейчас только и видел, стоя невдалеке от входа, у дерева, и не в силах отвести глаз от своей юной возлюбленной. Девушки на его глазах о чем-то перешептывались и то и дело кидали в его сторону заговорщицкие взгляды. Он лишь смущенно отворачивался, догадываясь о предмете их беседы.

– Как? Все настолько серьезно, что он уже и сюда пришел? – Варька не скрывала своего любопытства, граничащего с легкой завистью.

– Право, я и сама не ожидала. Но после вчерашнего объяснения, полагаю, все сильно изменится.

– А как же твои родители?

– Они не против. Надобно только достичь мне совершеннолетия, но ведь ты знаешь, что помолвка может состояться и сейчас, а до полного взросления мне осталось недолго...

– Не ожидала такого от твоего строгого папеньки.

– Почему же? Иван Андреич из хорошей семьи и репутация у него...

– Как же он расстанется с любимой дочкой? – в голосе Варвары слышались нотки ехидства, издевательства и зависти, а этого Лиза не терпела.

– Да ну тебя, – отмахнулась она от нее как от назойливой мухи и поспешила в сторону Ивана Андреевича. Он поцеловал ее ручку и они под руку пошли в направлении Выборгской стороны. Варвара шла за ними до угла, а потом еще долго провожала завистливым и влюбленным взглядом их удаляющуюся пару...

– Вы набрались смелости прийти сюда...

– Во-первых, думаю, что после вчерашнего можно уже и на ты. А во-вторых, не вижу ничего предосудительного в том, чтобы проводить свою ученицу до дома.

– Проводить и только? – заулыбалась Лиза.

– И только... Ну и поговорить, конечно.

– А о чем?

– О чем ты хочешь?

– Я все не могу забыть того нашего разговора, что мы начали на балу у градоначальника. О терроризме.

– Мне кажется, ты не позволительно много для юной девушки уделяешь места в беседах и мыслях своим этому вопросу. Ты не находишь?

– Возможно, но я вижу в тебе интересного собеседника, способного удовлетворить мой интерес.

– Так что тебя конкретно интересует?

– Меня интересует чего же собственно хотят террористы?

– Полагаю, что тебе это известно – выборности представительных органов, ограничения власти царя, реформ, отмены частной собственности на землю и на средства производства...

– Это об этом пишет Карл Маркс?

– Именно. Это в своей самой фундаментальной работе, «Капитал». А еще им выпущен еще в 1848 году «Манифест коммунистической партии». Так вот там сказано о том, что во вся-

ком эксплуататорском обществе – такое как наше или германское, неважно – власть не позволит этим идеям свободно развиваться и тем более преобладать в общественном сознании. Пример того – наша революция 1825 года, а вернее, ее неудачная попытка, революции 1848 года в Польше и Парижская коммуна 1871 года. Потому и выбирает отечественный сторонник Маркса сугубо силовой, террористический путь достижения своих целей.

– Но разве цель оправдывает средства? Разве террор не является источником гибели того же народа, о благополучии которого, как ты говоришь, заботится «Народная воля». Разве мало случайных людей, безвинных жертв погибло во время покушения на Александра и других террористических актов?

– Немало. Но это не повод избирать другую модель поведения.

– Почему? Мы ведь только недавно беседовали с тобой о Лорис-Меликове и о том реформаторском пути, который он предлагал в качестве основного для России?

– И закончили, если помнишь, на том, что все предлагаемые им реформы были не более чем очковтирательством, ничего конкретного он не сделал, разве что пара каких-нибудь выпрєнных шагов, чтобы только замазать глаза народу. Вся эта его игра в реформы – не более, чем игра, для отвода глаз и подавления сопротивления оппозиции.

– И поэтому остается только террористический путь?

– Исключительно. С одной поправкой. До недавнего времени и «Народная воля», и «Черный передел», и прочие организации говорили о необходимости терактов повальных и огульных – с целью полной дестабилизации позиций действующей власти на всех фронтах и по всем направлениям. То есть убивать и станового пристава, и станционного смотрителя, и чиновника канцелярии градоначальства, и шефа жандармского управления – и все только потому что каждый из них на своем месте занимает определенную ступень выстроенной царем иерархии. Каждый выполняет определенную функцию, являясь своего рода винтиком, деталью общего механизма, поворачиваемого по воле императора. Иными словами, «кто не с нами – тот против нас». Я же вижу выход в ином. Убивать такими масштабами и в таком количестве, чтобы твою организацию – не то что не достигшую цели, а вообще смутно ее видящую в этом кровавом потоке – всецело объявили вне закона и тем самым спровоцировать нанесение революционному движению удара со стороны властей, который может оказаться роковым – по моему, глупо. Жертвами террора может стать даже не каждый чиновник и не каждый жандарм, и не каждый полицмейстер. Его жертвами должны становиться исключительно высшие должностные лица – министры, депутаты, государь в конце концов. Вот тогда терроризм станет показывать не только свое истинное лицо действующей власти, но и свои истинные идеалы, которые сосредотачиваются не на том, чтобы расширить путем запугивая численный состав той или иной партии или ячейки, а на том, чтобы улучшить жизнь народа, противопоставляя его существование тому роскошному образу жизни, что в это самое время ведут за его счет сидящие на его шее чиновники.

– Любопытно... – Лиза задумалась. По глазам ее было видно, что она понимает, о чем речь. Такого понимания Бубецкой явно не ожидал от девушки ее круга – и в очередной раз благодаря этому понял, что она является скорее исключением, чем правилом. Это немало порадовало его – он не ошибся в выборе. – А кто-нибудь еще думает так же, как ты?

Он видел, что она боялась озвучить вопрос так, как он давно уже сформировался у нее в голове. И потому не стал форсировать.

– Да. И если ты захочешь, я познакомлю тебя с такими людьми.

– Очень хочу, – глаза ее загорелись.

– Это замечательно, и я обещаю выполнить твою просьбу, но позже. А пока мы подошли к дому, и тебе пора – родители ждут.

– Когда же мы увидимся?

– Если ты забыла, урок сегодня вечером.

- Тогда я буду с нетерпением ждать тебя.
- И я... До скорой встречи.

Пьер был немало удивлен ранним приглашением княгини Каменецкой – обычно они никогда не встречались кряду два дня, но сегодня она прислала к нему мальчишку с запиской, в которой было сказано, что она ждет его через два часа в том же номере, который уже снят на имя господина и госпожи Иваницких. Червоточина сомнения и страха закралась внутрь него – накануне вечером они вновь виделись с Аней и были в иллюзии, а после он пригласил ее ужинать в «Ярь». Не могла ли Мари видеть их и там? Господи, и дался ему этот «Ярь» – ведь еще в канун того подумалось ему, что там может произойти нежелательная встреча. Так нежелательна она особенно теперь, когда Каменецкая нужна ему, и когда любая склока с ней может негативно отразиться на деле, что всегда было для Пьера превыше всего. Может, вовсе не ехать? Если она обо всем догадалась или снова видела их с Аней вместе, то на этот раз отпереться уж точно не удастся. Тогда уж и разговорами делу не поможешь, и постелью – что может быть страшнее обиженной женщины?! Поразмыслив немного, Шевырев все же взял себя в руки и немного приободрился. Ну когда он проигрывал в этой борьбе, где оппонентом его являлась женщина?! Не знала история такого случая! Так что, *chevalier*, побольше уверенности в себе и в бой. Прятать голову в песок – не в его правилах.

Скрепя сердце, отправился Пьер на очередную встречу, предвкушая малоприятные повороты в течении реки. Предчувствие не подвело его.

Мария Андреевна ожидала его при входе в номер при полном параде. Его попытка поцеловать спутницу успехом не увенчалась – она отстранилась от него, он почувствовал, что от нее веет уже не холодком – холодом.

- Как прикажешь это понимать?
- Что именно?

– Брось прикидываться! Ты меня прекрасно понимаешь! Если помнишь, в начале отношений я сразу поставила условие, что уйти от мужа я не могу, и не потому, что не хочу, а потому, что связана обстоятельствами, главное из которых – дети. Я не хочу, чтобы он оставил меня и их без содержания. Я не хочу возвращаться в Саратов, где было захудалое имение моего батюшки. Я не хочу и не могу изменить свою жизнь еще и потому, что мне, в отличие от тебя, важно мнение света, окружающего меня общества. Даже если я брошу его – куда мне деваться потом? Делить с тобой радости студенческого быта? Полагаю, что в данном случае счастливы не будем ни ты, ни я. И тебя кажется тогда все устроило. Я ошибаюсь?

– Нет.

– А помнишь ли ты второе условие, которое я поставила? Тогда я напомним – ты не можешь, не имеешь права заигрывать с кем-либо и принадлежать кому-либо еще. И если в дальнейшем мой супруг умирает, то мы воссоединяемся с тобой. То же происходит, если он оставляет меня по своей инициативе. И вот – когда мы уже почти подошли к этому, я узнаю о том, что у меня появилась соперница?! Да еще кто?! Гимназистка! Ты в своем уме?

Он молчал, опустив глаза в пол.

– Конечно, теперь тебе нечего сказать. Только зная об этом и самонадеянно полагая, что в этом городе ты сможешь сохранить такую яркую подробность своей личной жизни втайне от меня, ты еще строишь планы на моего мужа?! Как я после этого, по-твоему, должна поступить?

Он ничего не ответил, лишь подняв на нее исполненные слез глаза.

– Оставить тебя – первая мысль, закравшаяся мне в голову...

«Вот было бы хорошо... Из двух зол это лучшее, до которого ты могла додуматься...»

– Но нет! Этого будет мало! Ты хоть понимаешь, что предал меня? Понимаешь? – она властно взяла его за подбородок и потрясла им в воздухе. Он согласно и обреченно кивнул,

пребывая в ужасе от того, куда только могла завести шальная мысль разгоряченную женщину. – Ничего ты не понимаешь. А поймешь ты только тогда, когда тебе так же нанесут удар по больному, по самому больному месту, которое только существует в твоём бесчувственном теле! И место это мне известно. Его имя – революция.

Он похолодел. Слезы, наигранно пущенные, вмиг остановились. Он смотрел на нее, не сводя глаз. Что она задумала? Понимает ли она, как опасно все то, что она говорит и что творится у нее в голове?!

– Я решила рассказать обо всем мужу. О готовящемся покушении на государя и о твоём в нём участии.

– О чем ты говоришь, о каком покушении? – не помня себя от страха, бормотал Шевырев.

– О том, в каком я лишь заподозрила тебя, а ты сознался всем своим видом! И для коего ты намеревался использовать моего мужа! Не думай, что ты такой великий актер и сумеешь провести женщину, а тем более меня. Отныне и впредь опыты ставь только над своими курсистками!

– Ты... ты хоть понимаешь, что ты говоришь?! При всей абсурдности сказанного, понимаешь ли ты, насколько это опасно???

– Что я слышу? Ты пугаешь меня? Студент-революционер пугает жену князя? Ты ли это?

Она приложила свою холодную как лед руку к его лбу и пристально посмотрела ему в глаза. На минуту ему показалось, будто он в горячке и все, что здесь происходит, происходит не с ним, а с кем-то другим. Не помня себя, он вылетел на улицу и как оглашенный добрался до дома – полупешком, полугалопом...

Пока пришел в себя и осознал все, что только что случилось, наступил вечер. Сумерки опустились на город, успокаивая его тревожнения и умиряя все кипящие в столице днем страсти. В такое время размышлять было лучше всего. И одна мысль его все же посетила – что, если уехать? Забыв его, потеряв его из виду, возможно, оставит она и свои жестокие планы, отпустит хоть на какое-то время идею отмщения, которая сейчас так ни к чему. Как говорится, с глаз долой – из сердца вон... Да, непременно, так и следует поступить. А пока написать об этом. Написать всем. И ей в первую очередь.

А пока он склонившись над письменным столом при тусклом свете ночника царапал пером по бумаге извещение о своей слабости, его недавняя дама сердца пьяная и заплаканная стояла у окна и смотрела как в сумерках расплывается свет уличного фонаря в каплях некстати начавшегося раннего весеннего дождя.

Глава пятая «Дети революции»

Революция, подобно Сатурну, пожирает своих детей

Ж. Ж. Дантон, французский революционер

Обед в доме Светлицких был подан сегодня без четверти восемь. Рарап и тамап были в очевидно приподнятом настроении – причина этого была Лизе понятна. Но и она не уступала им в каком-то щенячем восторге, который охватил ее после разговора с Бубецким. Ее эмоции родители видели и принимали пока за предвкушение помолвки – эдакую предсвадебную лихорадку, столь свойственную юным барышням ее возраста.

– Ну-с, видела ли сегодня Ивана Андреича? – участливым голосом начал папенька.

– Да, можете себе представить, пришел встретить меня из гимназии и сегодня же вечером обещался быть на уроке!

– Ну, разумеется, это пока еще его обязанности, которых с него никто не снимал, – во избежание произвести впечатление либерала нахмурил брови Дмитрий Афанасьевич.

– К слову об обязанностях, – неожиданно высоким штилем заговорила Лиза. – Вам не кажется, что наш дворник Игнатий стал скверно справляться со своими – двор чищен из рук вон плохо!

– И я давно твержу об этом, – поддержала дочь Катерина Ивановна. Отец не отвечал на высказывания домашних так, словно не слышал их.

– Надобно дать ему отпуск, и подыскать второго дворника...

После такого предложения хозяин дома поперхнулся супом, а маменька замерла в недоумении.

– С чего это вдруг? Он служит последних сорок лет, что я помню, и служил еще моему отцу, и ни о каком отпуске не просил. Батюшка мой приобрели его еще крепостным, и он работу в городе, да еще в столице за счастье должен почитать – в рекруты отдан не был, повинностей да оброков не нес, служил прямо скажем так себе, вполсилы... Зачем это нам второй дворник?

– Рассуждаете, папенька, как типичный помещик. Во всей просвещенной Европе давно уже на дворников распространены такие же трудовые права, как и на остальных работников. Если не хотите, чтобы он почил в бозе раньше времени, наймите ему помощника.

– Кхм, однако! Кто это тебе про Европу рассказал?

– Пишут... – опустила глаза Лиза, не желая выдавать своего провожатого в мире социальной политики.

– Уж не Карл Маркс ли?

Лиза молчала.

– Послушай, что я тебе скажу. Мало того, что в свете его «Манифеста» его работы вообще не следует читать, а тем более девушке твоего круга и возраста, так еще и его теории применимы к другим странам и другим землям со своим укладом. У нас заведено веками – и русский мужик не привык и не привыкнет уже жить иначе, чем по тем вековым укладам, по которым жили его предки сотни лет до него. Ментальность русского народа такова, что дай ему хоть на грош свободы, так он потребует и на алтын, и на сундук золотых. А после и вовсе на шею сядет и станет погонять. Но проблема вовсе не в этом. Проблема в том, что русский мужик не умеет сам собой управлять. Права и свободы он возьмет себе в достаточном количестве, коли Чернышевские и Марксы его ими сдуру наделают, но вот что делать дальше – для него загадка. Как применить эти права к необходимости добывать хлеб насущный? Разве в разбойники пойти? Не обучен он кормить сам себя, не может. Его всю жизнь стегали батогами, и если

он что хорошо и умеет в случае смены социальных ролей – так это стегать другого. Европейцы не знали и не знают крепостного права в том виде, в каком оно существовало у нас. Европейцы всю жизнь думают один за десяток, просчитывают на шаг вперед. А русский человек? Он если чему и учился, то делал всегда прескверно, из-под палки. И – что немаловажно – сугубо ради того, чтобы командовать своими же товарищами, чтобы стегать, ущемлять. Единственное, что может произойти с нашей страной, прими она за основу ученье Маркса – это смена социальных ролей. Как они поэт в своей паршивой французской песенке? «Кто был ничем, тот станет всем». А дальше? Ведь основа государственного и экономического управления состоит не в том, чтобы с одного снимать погоны, а другому надевать – а в том, чтобы поставить государство на те рельсы, которые приведут его к процветанию и социальному обеспечению. А этого мы увы не можем. Потому всю жизнь приглашали варягов для самоуправления. Поэтому четко разделили общество на классы и придерживаемся этой теории уже много лет... Какой прок был от александровских реформ? От «диктатуры сердца» знакомого тебе Михаила Тариевича? Никакого. А все почему? Потому что русский народ не привычен к этому и не этого ждет...

– Как вы однако прескверно думаете о русском народе. Откуда такие выводы? Разве имеется исторический опыт подобных перестановок?

– Очень даже имеется. Новгородское вече, выборное правление, демократия... А семибоярщина? А смутное время? Не слишком ли много власти тогда имел твой пресловутый русский народ? Сыграло это какую-нибудь полезную роль для государства? Ничуть.

– Отчего же тогда, по-твоему, этого не понимают революционеры?

– Кто, прости?

– Народовольцы.

– Карлейль сказал: «Революцию задумывают гении, осуществляют фанатики, а пользуются ее плодами проходимцы». Половине твоих хваленых народовольцев все эти волнения нужны в корыстных целях – чтобы на вершину власти забраться, как я уже говорил – а оставшейся половине необходимо фанатично отдать за что-то жизнь хотя бы потому, что государь – которому мы все служим и отдаем на Его милость судьбу свою – ее уже не принял.

– Отчего же? Отчего он принимает жизнь твою, Лорис-Меликова, Трепова, а жизнь Веры Засулич не принимает?

– Потому что не в этом ее назначение. Она должна сараи чистить, а не засорять анналы истории своим именем. Каждому свое, знаешь ли.

– А определять кому что – чей удел?

– А это – удел истории. Если отец твой был батраком, то и ты будешь. И в этом есть историческая логика и историческая справедливость, иначе уже давно революция была бы осуществлена!

– А как же пример Ломоносова? Он ведь тоже из крестьян!

– Тут другое. Он за ученьем тянулся, за светом знаний. А они тянутся совершенно за другим. За властью, за звоном монет, за переделом собственности, в конце концов. И потом времена нынче совершенно не те, и путь к образованию – к нашему всеобщему сожалению – практически общедоступен. А вот это-то и плохо, ибо на сегодняшний день именно студент образует движущую силу революции, а значит, составляет главную опасность для царя и народа.

– И о студентах, увы, ты думаешь уж очень резко...

– Я их не осуждаю – это временное явление, уверяю тебя. Студенчеству всегда были свойственны поветрия, одно из них европейцы выпустили на свободу в 1848 году, все эти Костюшко, Гарибальди и им подобные, и заразили сами того не ведая нашу молодую поросль. Ну да ничего, все образуется и станет на круги своя. Дело времени, поверь мне...

Понимая, что подобного рода дискуссия лишь накалит обстановку и ни к чему хорошему не приведет, в разговор вмешалась мать:

– Ну да будет вам. Остывает.

Все принялись есть. Когда после обеда Лиза поднялась в свою комнату и стала ждать Ивана Андреевича, родители на семейном совете решили просить его, когда он придет, образумить рано заразившуюся «поветрием» дочь.

Александр Ульянов быстрым шагом шел по улице в направлении университета. Внутри него бушевал пожар. Полчаса назад он был у Шевырева – но его не застал, а квартирная хозяйка сказала, что он съехал нынче и велел только передать записку: «Нездоровье мое как физическое так и моральное довело меня до крайности, и явно не приведет к хорошему то дело, которому мы все служим. Посему лучше будет мне сейчас временно уехать, скажем, в Крым, чтобы подлечить свое расшатавшееся за последние дни здоровье, и навести порядок в уме и сердце. Не поминайте лихом. Удач и успехов во всем».

«Как он мог?! – негодовал Александр, и негодование его оттого делалось свирепее и бурнее, что не мог он покуда ни с кем им поделиться. – Уехать и бросить все в такой момент... Впрочем, чего-то такого, признаться, я от него ожидал – ни к чему хорошему эти его метания с женщинами сейчас не привели бы... Однако, как теперь быть? На нем было завязано все дело, и остановить сейчас подготовку теракта только потому, что товарищ наш ищет себя было бы преступлением по отношению к делу революции...»

За разрешением возникших вопросов спешил Александр в университет, где Иван Андреевич, по его разумению, должен был ему в этом помочь.

Когда они встретились на пороге учебного заведения и Александр с ошалелым лицом передал ему записку, Бубецкой уже закончил занятия и спешил сейчас к дому Светлицких. Александру было предложено сопроводить его.

– Да, – протянул Иван Андреевич, прочтя записку. – Не думаю, что он так поступил бы ни с того ни с сего. Однозначно, что этому способствовали некие обстоятельства, и оказались они для него настолько существенными, что ничего лучше, чем бегство он не придумал.

– Да какое это имеет значение?! – кипел Ульянов. – Теперь дело в опасности, а ты оправдываешь его и выискиваешь какие-то мотивы.

Бубецкой строго посмотрел на него и продолжил:

– Дело не в опасности. В противном случае, он предупредил бы нас. Да и бегством в Крым тут горю не поможешь – если все провалится – по его вине или без нее, ему все равно никуда не деться. Участие в подготовке покушения принимал, значит виноват. Так что полагаю отъезд этот с революцией связан меньше всего, а потому отсутствие такого ненадежного товарища, который то и дело ставит план под угрозу срыва по личным мотивам – нам в какой-то степени только на руку.

– Но что делать дальше? И главное – кто примет на себя руководство ячейкой теперь?

– Полагаю, что это должен сделать ты.

– Я? Но почему? Ведь тактическая составляющая нашей деятельности напротив всегда лежала на тебе?..

– А во главе движения должен стоять не тактик, а идеолог, человек, способный заразить идеей массы, неограниченное число людей. Ты подходишь на эту роль просто идеально. Это раз. А во-вторых чем меньше афишировать личности тех, кто направляет колесо революции – тем дальше это колесо уедет, поверь мне.

В словах Бубецкого слышались Ульянову такая жизненная правда и такой глубокий смысл, такая опытность и такое спокойствие, что не согласиться с ним было нельзя.

– Однако, когда же мы соберемся, чтобы объявить обо всем этом?

– Сегодня же вечером.

– У меня?

– Пожалуй, что да. Поэтому оповести пока всех.

– И еще... Теперь все надежды на Шевырева и его любовницу в части организации покушения рухнули. Что же делать?

– Ничего. Нам эти его связи особо и не требовались. 29 апреля будет годовщина подписания Манифеста о незыблемости самодержавия, а потому и царь, и вся его клика соберутся в Исаакиевском соборе. Там-то мы все и проведем. Нужна только связь с бомбистами.

– Это я организую.

– Отлично. Значит, вечером у тебя.

– Договорились.

У дома Светлицких они простились, и Иван Андреевич направился внутрь. Обстановка в приемной была беспокойной. Катерина Ивановна с трудом сдерживала эмоции, и с порога начала говорить:

– Иван Андреевич, Вы должны повлиять на Лизу во что бы то ни стало.

– А что случилось?

– Расскажи, mon cheri, – обратилась она к мужу.

Отложив газету, Дмитрий Афанасьевич словно бы нехотя внял ее просьбе:

– Стоило ли отвлекать Ивана Андреевича подобной чепухой... Возрастное, пройдет.

– А если нет? А так – Иван Андреевич поговорит с ней, и уж к его-то словам она прислушается наверное, – настояла Катерина Ивановна. Сам Бубецкой уже начал о чем-то догадываться и волноваться.

– Воля твоя, – уступил муж. – Видите ли Иван Андреич, Лизонька последнее время нас пугает. В ее речах проступает нечто такое, что не подобает приличному человеку, близкому к нашему обществу, а тем более девушке ее происхождения.

– Что Вы имеете в виду?

– Ни много ни мало – революционные и просветительские идеи.

Бубецкой побелел и стал напряженно вслушиваться в слова Дмитрия Афанасьевича.

– Марксизмом повеяло. Не далее как сегодня за обедом настояла на предоставлении дворнику отпуска и наеме второго дворника на период его отсутствия.

– Помилуйте, что же тут марксистского?

– Тут пожалуй ничего, но в том, КАК, КАКИМ ОБРАЗОМ она отстаивала свою правоту, какие аргументы приводила в их пользу – очевидно чувствовалась рука этого германского проходимца. Понимаете ли Вы всю опасность подобных рассуждений для барышни юного возраста с отличны будущим и неплохой родословной?

– Признаться, не совсем, поскольку не слышал ее речей. Но, принимая Ваши слова на веру, пожалуй где-то разделю Ваши опасения. Быть может, не в сути сказанного, – всякая точка зрения имеет право на существование, – а в горячности отстаивания ей своих позиций. Мало ли что можно сказать или написать – не всему нужно верить и тем паче не все воспринимать как руководство к действию. Ей нужно быть более внимательной и последовательной в своих доводах.

– Мда, – хмыкнул Дмитрий Афанасьевич. Катерина Ивановна по скудоумию своему и вовсе не поняла, что он сказал, но по утвердительному тону подумала, что нечто, согласующееся с их точкой зрения. – Так вот мы просим Вас, – продолжал Светлицкий, – чтобы Вы поговорили с Лизой и объяснили ей всю опасность подобных рассуждений. Ладно мы, в семейном кругу, способны простить проявление вольнодумства. Но не везде и не всюду это будет приветствоваться. Важно, чтобы она поняла это и не воспринимала оппонента в штыки. С нами этот номер не прошел, так что Вы должны нам помочь.

– Поверьте мне, я сделаю все, что в моих силах, господа, – заверил Бубецкой, вставая с кресла и собираясь пройти в апартаменты Лизы.

– Мы будем Вам безмерно благодарны, и непременно по достоинству оценим этот Ваш вклад в будущее Лизы, – поклонилась хозяйка дома.

Войдя в ее комнату, Бубецкой встретился с возлюбленной глазами – было понятно, что она разговор слышала и была в курсе просьбы отца.

– Зачем ты это сделала?

– Разве не ты говорил мне о дальновидности и перспективности этих идей? Разве ты не считаешь подобного же?

– Считаю, но не кричу об этом на каждом углу.

– Вот и мне интересно, почему? Что скрывать, коли на душе у тебя именно то, что пару часов назад было у меня на языке?

– Послушай, – взяв ее за плечи, говорил Иван Андреич. – Общество сегодня не готово понимать и внимать рем революционным идеям, которые мы исповедуем. Слишком оно закабалено, слишком запугано всеми этими терактами и главное отношением к ним властей, чтобы вот так вот, в один миг вдруг перевернуться на нашу сторону. Его надлежит подготовить к этому и мы это сделаем.

– Но каким путем? Терактами?

– Хотя бы и так, если другой способ доведения информации не сработает. Но распространять их сейчас в открытом виде, так словно это секрет Полишинеля или тема для досужих рассуждений в будуарах и столовых – верх легкомыслия. Они могут пострадать, не будучи приведенными в жизнь хотя бы частично, хотя бы немного реализованными. Это как младенец в зародыше – опасность его гибели увеличивается не только возможным вариантом заражения плода, но и вариантами заболевания организма носителя... Понимаешь?

Она улыбалась и смотрела ему в глаза. Сейчас она понимала глубинную суть его высказывания о том, что русский юрист способен разбираться в чем угодно, рассуждать о чем угодно и главное управлять чем и кем угодно – все это получится у него мастерски благодаря особому складу ума, который в Иване Андреевиче – она это видела воочию – присутствует.

– Я пожалуй соглашусь с тем, что не следует так громко кричать о своих убеждениях, тем более, когда они подвергаются гонениям со стороны властей... Но с одним условием...

Он вскинул на нее брови.

– Какое еще условие?

– Я хочу поприсутствовать на вашей встрече.

– Встрече с кем? – он не сразу понял, насколько далеко завело юное воображение свою носительницу.

– Встрече вашей ячейки.

– Это невозможно?

– Почему?

– Они проходят в обстановке строгой секретности, и посторонние люди никогда не допускались и не могут быть допущены к ним!

– Но разве ты мне не доверяешь?

– Послушай, для чего это тебе? Разве того, что я тебе говорю, недостаточно? Или это для того, чтобы завтра за завтраком доложить родителям о вновь приобретенном опыте?

– Зачем ты так? Ну совершила единожды ошибку по неосторожности...

– «Единожды солгав». Толстого помнишь?

Она опустила глаза. Он увидел, как что-то похожее на алмазную крошку засверкало в ее веках. Приблизившись к Лизе, Иван обнял ее.

– Послушай...

– Ничего не хочу слушать. Нет так нет. Раз считаешь меня еще слишком маленькой для всего этого, то не надо. Не бери. Давай приступим к занятиям.

Она покорно – с обреченным видом – уселась за стол и стала раскладывать книги. Комок подкатил к горлу Ивана Андреевича, ему стало нечеловечески жаль ее, как бывает жаль слабого, ребенка, немощного, лишенного последней жизненной радости – или того, что он во всяком случае за нее принимает. Он вдруг подумал, насколько много и важно было бы для нее это зрелище, пояись у нее возможность принимать в нем участие, созерцать его, даже без права голоса. Да и чем в сущности может она навредить делу? Разве лишней болтливостью? Но у него до сих пор не было повода упрекнуть ее в этом, напротив, памятуя об их разговоре на балу, он отмечал даже не свойственную возрасту ее глубину и интеллектуальность... Излишне будет говорить, что секунду спустя он изменил свое решение, а две секунды – уже снимал ее со своей шеи и наказывал хранить виденное в секрете во что бы то ни стало.

– Итак, господа, теперь, когда Пьер – то ли позорно и предательски, а то ли просто малодушно – оставил наше общество на милость Господа Бога, мы можем лишь сказать ему спасибо за ту долю участия в организации, что исходила от него все время нашего существования. Хотя бы за то, что формально он нас всех собрал и объединил под единым крылом. Теперь же нам надлежит двигаться дальше и для этого нужно единоначалие. Я на эту почетную роль предлагаю товарища Александра, – при этих словах Бубецкого все замерли, а Ульянов робко встал и поклонился присутствующим. Робость и неловкость присутствовали сейчас в его жестах, хотя ранее ему было не занимать красноречия и отваги. – Он, как мне кажется, достаточно силен физически и духовно, чтобы в трудную для нас всех минуту возглавить движение и повести его за собой. Прошу голосовать.

Поначалу руки поднимались нерешительно, но после голоса Бубецкого присутствующие оживились – через минуту решение было принято.

– Благодарю всех за поддержку. И давайте сразу предоставим товарищу Александру слово.

Ульянов откашлялся и начал.

– Я не знаю, что принято говорить в таких случаях. Наверное, выражать благодарность за доверие и бросаться обещаниями не подвести и не предать его. Но это слова, а от дела они отстоят достаточно далеко. Я же скажу иначе. Доказать мое стремление и мои намерения, ни на минуту не отступающие от идей революции, я намерен делом. Никто не должен оставаться в стороне от великого события, свершение которого – дело наших рук. Только от нас сейчас зависит, в каком направлении будет развиваться история России в этот переломный для нее момент... Не все понимают, что сейчас – один из самых трагичных и потому самых важных периодов в русской истории. Сейчас, когда становятся на ноги – пусть тяжело и с трудом – европейские демократии; когда гнет царизма тем сильнее, чем сильнее сопротивление ему; когда репрессивные меры уже не пугают, а напротив, стимулируют и усиливают готовность к борьбе, особенно важно проявить решимость и сделать такой шаг навстречу светлому будущему, который – даже при условии провальности своей и обреченности, неотвратимости наказания – станет началом той летописи, на обложке которой будет начертано: «Свободная и счастливая Россия». И совершая его, следует помнить, что не империя – есть основа русской государственности. Не самодержавие, угодное ограниченной кучке людей, а только парламентская республика на началах демократии. Пока не почувствует народ в себе реальную силу и готовность принимать решения, а равно брать на себя ответственность за них и их последствия – ничего не сдвинется с мертвой точки. Внушить это народу, показать ему это на собственном примере – вот наша задача, как я ее вижу, на данном этапе диалектического развития. Вот к чему должны быть устремлены сейчас наши чаяния и надежды, вот к чему должны быть приложены наши руки. Нет империи! Смерть императору! Смерть угнетателю народа!

Собравшиеся неистовствовали – так горяча и пламенна была речь Ульянова. Лиза всем сердцем чувствовала, а умом понимала правильность ее и готова была отдать жизнь за те идеи

и идеалы, о которых он говорил. И лишь только после окончания сходки, ночью, обнимая любимого, спросила:

– А это обязательно? Убивать царя?

Он посмотрел ей в глаза, прижал к себе и ответил лишь короткое «Да», но этого хватило, чтобы поверить. Искренность читается в глазах, и очень часто нужно просто поднять их, чтобы тебе поверили – и ничего не надо будет доказывать. Так произошло и с ней.

Глава шестая «Крах»

*Если кто-то причинил тебе зло, не мсти. Сядь на берегу реки,
и вскоре ты увидишь, как мимо тебя проплывает труп твоего
врага.*

Лао-Цзы, китайский философ

Женщина, по мудрому выражению классика, является не только причиной всех преступлений в мире, но также и краха всех сколько-нибудь значимых начинаний в жизни человека.

После отъезда любовника княгиня Каменецкая не находила себе места достаточно долго. Все планы по отмищению, как он и полагал, выветрились из ее головы и заменились терзаниями самой себя в жестокости по отношению к нему. Куда он уехал? Зачем? Надолго ли? Вернется и когда? И главное – в ней ли одной причина его отъезда? Все эти вопросы не давали ей спокойно спать, принимать пищу и вообще заниматься любыми созидательными делами. Практически целыми сутками она только и делала, что или лежала, заливаясь слезами, или молча стояла у окна или играла на рояле, стремясь заглушить тоску и найти утешение в творениях классиков – однако, вместо этого впадала под влиянием их нот – почти всегда печальных – в еще большее уныние.

Муж ее терялся в догадках о причинах такого поведения супруги, и вот в один из дней, когда его растущее напряжение уже не могло, казалось, держаться внутри него, открытие явилось само собою.

– Андрэ, – не поднимая глаз обратилась к нему за обедом жена. – Мне с Вами нужно поговорить.

– Я весь внимание, душа моя.

– Я полагаю, что после моего рассказа ты не захочешь больше видеть меня, но совесть не позволяет мне более молчать... Только прошу тебя – не перебивай. Ты, верно, заметил, что последние дни я сама не своя. Так вот я должна снять грех с души – и сознаться тебе во всем. Причина моего душевного нездоровья заключается в том, что последний год я была неверна тебе, а теперь человек, послуживший причиной моих терзаний, резко и без объяснения причин оставил меня.

– Но кто он? – с трудом сдерживая в себе волнение, спрашивал князь.

– Ты не знаешь его и имя тебе ни о чем не скажет.

– И все же?

– Он студент. Его звали Петр. Петр Шевырев. Неделью назад он прислал мне письмо, в котором сообщает о своем отъезде в Крым. Сказался больным, но я знаю, что причина его отъезда – я. Мы повздорили, я стала его обвинять бог весть в чем, и среди прочего обидела настолько, что он не смог снести такого оскорбления... Вот и все, что я хотела сказать.

Она предприняла попытку встать из-за стола и уйти, но мудрый супруг остановил ее.

– Постой. У меня к тебе два вопроса. Первый – для чего ты мне это рассказала? Ты хочешь, чтобы я помог тебе отыскать и вернуть его?

– Нет, что ты, между нами все кончено и возврата к прошлому нет и быть не может.

– Тогда зачем?

– Я не могла более носить это в себе. Это как яд, такое нестерпимое жжение в груди, что нет сил дышать, и надобно выплеснуть его, поделиться с кем-то просто, чтобы сохранить свою жизнь. Я это сделала, и мне стало легче. Наверное. Хотя я прекрасно понимаю последствия того, что сделала. Мне теперь, видимо, следует собрать вещи...

– И второй. Кого ты выбираешь? Сможешь ли ты после всего, что было, и после всего, что рассказала мне только что, отпустить прошлое и постараться вернуться к нормальной жизни? Ко мне, к детям, в семью?

– Разумеется, я выбираю тебя и... Но... разве ты вот так легко простишь меня?

Князь выдохнул и опустил глаза.

– Мы с тобой вместе много лет, у нас надежная и крепкая семья. А жить в семье, под одной крышей означает поддерживать друг друга в любой ситуации. Господь посылает нам испытания не с тем, чтобы унижить или уничтожить кого-либо, а чтобы проверить, насколько мы стойки к трудностям, терпимы друг к другу и крепки в вере. А вера, если помнишь, говорит о необходимости протягивать друг другу руку в беде. Надеюсь, что когда со мной случится беда, ты не оставишь меня...

– Ну что ты... Не говори так пожалуйста.

Она бросилась на шею мужа и что есть сил обняла его. Взаимные слезы стали для них доказательством: с ее стороны – раскаяния, а с его – прощения.

С тех самых пор жизнь потекла по казалось бы обычному распорядку. Княгиня постепенно отходила от перенесенного несчастья под влиянием тепла, исходившего от мужа и домашних и становилась даже прекраснее, чем была, несмотря на свой уже не юный возраст. Меж тем с супругом ее произошло некое событие, которое будет иметь роковые последствия для многих участников нашей драмы.

В один из апрельских дней 1887 года он решил отобедать в ресторане «Покровский пассаж» в компании старого приятеля, начальника петербургской сыскной полиции Павла Дмитриевича Путиловского. После пары бокалов вина, когда беседы на серьезные и государственные тема уступили место личным, Павел Дмитриевич спросил своего товарища:

– Как здоровье княгини, Андрей Анатольевич? Как она изволит? Давненько не виделись с нею.

– А Вы заезжайте при случае, Павел Дмитриевич. Она будет очень рада видеть Вас, уверяю, – князь задумался. – Однако, я вспомнил. У меня к Вам будет просьба...

– Все, что могу...

– Не хочу, чтобы она как-нибудь обременяла Вас. Если сможете пойти мне навстречу, то сделайте одолжение, а нет – так и не трудитесь особо. Мой интерес вызван лишь досужим любопытством, и не должен создавать для Вас какие-либо обязанности...

– Полноте, говорите.

– Вы ведь все про всех знаете. Не известно ли Вам имя студента Петра Шевырева?

– До Вашего вопроса я о нем ничего не слышал, но при случае непременно справлюсь.

– Сделайте одолжение – если что-нибудь, ну хоть что-нибудь о нем узнаете, дайте мне знать. Я буду благодарен и признателен Вам за любую о нем информацию.

Пообещав другу содействие, Путиловский не солгал. Добавить к этому то, что работать впосилы он не мог – поскольку был настоящий русский полицейский до мозга костей – и нетрудно будет догадаться, что в единственном университете в столице отыскать студента с такой фамилией будет несложно. Ну если даже не отыскать, то во всяком случае выяснить его домашний адрес. А уж там найти и квартирную хозяйку, которая, памятуя о неоплаченном последнем месяце пребывания нерадивого студента в ее доходном доме и столь поспешном его отъезде, припомнит первому же городовому даже то, чего не было, выдавая свои догадки за правду. И окажется здесь очень некстати прозорливой.

– Как же, как же... Явно неблагополучный элемент. Постоянные сборища студентов вечерами, а то и целыми ночами... Обсуждали, хлопали.

– А пили? Может, поэт?

– Да какой там! Ни грамма, уж я бы учуяла да бутылки узрела бы, всякие у меня тут бывали на памяти. Говорю Вам – соберутся, всю ночь что-то обсуждают, под утро разъезжа-

ются. Правда, были дамочки несколько раз, но так – ничего серьезного. И к учебе особой тяги не имел. Я, во всяком случае, не отметила.

– Кто же бывал у него чаще всего?

– Много их было, всех и не упомнить. Одного только пожалуй и запомню – уж самый вежливый из них из всех, разговаривал со мной бывало о жизни. И да – он же пришел утром после отъезда Петра Яковлевича. Тоже студент. Ульянов, Александр вроде бы.

Доклад городского Павел Дмитриевич слушал без энтузиазма – последние шесть лет столько сил и средств затрачено было в зачастую беспочвенной и безрезультатной гонке за крамоллой и террористами, что вот так вот просто взять и принять на веру очередную сплетню, коими город и так был охвачен в разгар «охоты на ведьм» было бы равнозначно питать пустую надежду. А что как старой дуре почудились революционные настроения давешнего квартиранта – да и сама говорит, что дескать не уплатил вовремя, вот и решила поди выместить на нем старую обиду. А полицейскому чиновничеству и без того работы хватает, чтобы на подобные бабы сплетни размениваться... Конечно, порядку ради следовало бы испросить разрешение на обыск да побеседовать с этим студентом, Ульяновым, как подобает тому, но ведь опять поди пустая работа будет, только лошадей гоняй да людей корми. Так устал от всего этого Павел Дмитриевич... Но внутри засел какой-то червячок и никак не хотел упускать схваченную за живое сыскную жилку. А что как не врет? Да нет, врет наверное. В качестве золотой середины Павел Дмитриевич велел городскому выяснить адрес Ульянова и провести на квартире обследование – но тайно, без получения разрешений и санкций. Как найдется что-нибудь – хорошо будет. А нет – никого и тревожить не придется, включая общительного студента.

Обследование было проведено следующим же днем, пока Ульянов был в университете. Его результаты показали, что профессиональное чутье не подводит старую ищейку Путиловского – протоколы «Террористической фракции Народной воли» хранились здесь в таком количестве, что уму непостижимо. А там – и адреса, и фамилии, и решения – одним словом, все, что могло бы поставить крест на судьбе несчастных, собиравшихся сначала у Шевырева, а потом у Ульянова. Внимательно изучив их, Путиловский направился на прием к министру, а оттуда – на обед к старому товарищу, князю Каменецкому.

– Мною получены сведения о человеке, о котором Вы давеча меня спрашивали. И уверяю Вас, что они неутешительны. Прежде однако, чем дать им официальный ход, я должен справиться у Вас, насколько близок Вам этот человек.

Глаза Каменецкого сверкнули недобрым огнем.

– Он мне скорее враг, чем друг.

– Тогда дозвоьте Вас обрадовать. Мы установили его причастность к «Террористической фракции Народной воли». Согласно их протоколам, они не много не мало готовили покушение на государя императора.

– Как? Второе первое марта? Быть не может!

– Уверяю Вас.

– Что же теперь будет?

– Вы государственное лицо и сами прекрасно понимаете, что обычно бывает в таких случаях. Но все же я должен задать Вам один вопрос – не как друг, а уже как следователь. Откуда Вам известна его фамилия и какова природа Ваших отношений?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.